

kremlin.ru

Заседание дискуссионного клуба «Валдай»

134-191 minutes

Тема этого года – «Глобальная встряска – XXI: человек, ценности, государство». Четырёхдневная программа форума насчитывает более 15 сессий, участие в которых организовано как в очном, так и в онлайн-формате.

* * *

Ф.Лукиянов: Добрый вечер, уважаемые дамы и господа!
Дорогие друзья! Дорогие гости и члены клуба «Валдай»!

Я рад вас приветствовать на заключительной сессии XVIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». И с особым чувством, как всегда, приглашаю на сцену нашего дорогого гостя – Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Здравствуйте, Владимир Владимирович! Очень рады видеть Вас снова воочию, потому что в прошлом году в силу известных обстоятельств общались плотно, но через стекло, и вот наконец-то жизнь возвращается обратно.

В этом году наше заседание прошло невероятно насыщено и с большим накалом. Наверное, многие сейчас в мире истосковались по живому общению и по обсуждению острых

тем. И что интересно, мы сами того не ожидали, но как-то вырулили на то, что международную политику сейчас обсуждать, конечно, важно, нужно, но это не самое главное, потому что она, конечно, меняется, но пандемия её не перевернула. А вот то, как живут общества, люди, как строятся отношения людей в этой новой ситуации, отношения обществ и государств – вот это, собственно, всё и определяет, и у нас такой линией это всё проходило.

Думаю, что мы об этом сегодня поговорим. А пока я с удовольствием приглашаю Вас выступить.

В.Путин: Уважаемые участники пленарного заседания, дамы и господа!

Прежде всего хочу вас поблагодарить за то, что вы приехали в Россию и принимаете участие в мероприятиях Валдайского клуба.

Как всегда, в ходе таких встреч вы поднимаете острые, насущные проблемы, всесторонне обсуждаете вопросы, которые без преувеличения актуальны для людей во всех странах мира. И в этот раз главная тема форума поставлена прямо, достаточно резко, я бы даже сказал, – «Глобальная встряска – XXI: человек, ценности, государство».

Действительно, мы живём в эпоху грандиозных перемен. И если позволите, то по традиции я тоже позволю себе выступить со своими соображениями по поводу повестки дня, которую вы сформулировали.

Вообще, эта фраза – «жить во времена перемен» – может показаться уже обыденной, слишком часто мы её произносим. Да и та самая эпоха перемен началась довольно давно,

изменчивое состояние стало привычным. Возникает вопрос: стоит ли акцентировать на этом внимание? Я тем не менее согласен с теми, кто формулировал повестку дня этих встреч: конечно, стоит.

В последние десятилетия многие вспоминают китайскую поговорку. Китайский народ мудрый, у него много мыслителей и много всяких ценных мыслей, которые мы и сегодня можем использовать. Одна из них, как известно, – не дай бог жить в эпоху перемен. Но мы в ней уже живём, хотим мы того или нет, и перемены эти всё глубже, всё фундаментальнее. Так что вспомним и кое-что другое из китайской мудрости: слово «кризис» состоит из двух иероглифов – здесь наверняка есть представители Китайской Народной Республики, если я в чём-то ошибаюсь, они меня поправят – так вот два иероглифа: «опасность» и «возможность». А как говорят уже у нас, в России, «борись с трудностями умом, а с опасностями – опытом».

Конечно, мы должны осознавать опасность и быть готовыми ей противодействовать, противостоять, и не одной, а многим разноплановым опасностям, которые возникают в эпоху перемен. Но не менее важно вспомнить о второй составляющей кризиса – о возможностях, которые нельзя упустить. Тем более что кризис, с которым мы имеем дело, – концептуальный, даже цивилизационный. По сути, это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на земле, и нам всё равно придётся их серьёзно переосмысливать. Вопрос – в какую сторону двигаться, от чего отказываться, что пересматривать или корректировать. При этом убеждён, что за подлинные ценности нужно побороться,

отстаивая их всеми силами.

Человечество вступило в новый период более трёх десятилетий назад, когда были созданы главные условия для окончания военно-политического и идеологического противостояния. Уверен, вы об этом много говорили на площадках этого дискуссионного клуба, наш Министр иностранных дел выступал, тем не менее некоторые вещи мне придётся повторить.

Тогда, в то время, начался поиск нового баланса, устойчивых отношений в социальной, политической, экономической, культурной, военной сферах, опоры для мировой системы. Искали эту опору, но надо признать, что пока обрести её не удалось. А те, кто после окончания холодной войны, об этом мы тоже много раз говорили, почувствовали себя победителями, скоро ощутили, несмотря на то что им казалось, что они забрались на самый Олимп, скоро ощутили, что и на этом Олимпе почва из-под ног уходит – теперь уже у них, и никто не в силах остановить мгновение, каким бы прекрасным оно ни казалось.

В общем, к постоянной переменчивости, непредсказуемости, к постоянному транзиту мы вроде бы должны уже приспособиться, но этого также не произошло.

Добавлю, что трансформация, свидетелями и участниками которой мы являемся, иного калибра, чем те, что неоднократно случались в истории человечества, во всяком случае из тех, что мы знаем. Это не просто сдвиг баланса сил или научно-технологический прорыв, хотя и то, и другое сейчас тоже, конечно, имеет место. Мы сегодня столкнулись

с одновременными системными изменениями по всем направлениям: от усложняющегося геофизического состояния нашей планеты до всё более парадоксальных толкований того, что есть сам человек, в чём смысл его существования.

Давайте попробуем оглянуться вокруг. И ещё раз скажу: я позволю себе высказать те мысли, которые считаю близкими.

Первое. Климатические деформации и деградация окружающей среды столь очевидны, что даже самые беспечные обыватели неспособны от них отмахнуться. Можно продолжать вести научные споры о механизмах происходящих процессов, но невозможно отрицать, что эти процессы усугубляются и надо что-то делать. Природные катаклизмы – засухи, наводнения, ураганы, цунами – практически чуть ли не нормой стали, мы к этому начали привыкать. Достаточно вспомнить разрушительные, трагические наводнения в Европе минувшим летом, пожары в Сибири – примеров очень много. Не только в Сибири – у наших соседей в Турции какие пожары были, в Соединённых Штатах, вообще на Американском континенте. Любое геополитическое, научно-техническое, идейное соперничество просто в таких условиях, иногда кажется, теряет смысл, если его победителям будет нечем дышать или нечем утолить жажду.

Пандемия коронавирусной инфекции стала очередным напоминанием о том, как хрупко наше сообщество, насколько оно уязвимо, а самой главной задачей становится обеспечение безопасного существования человека, стрессоустойчивости. Чтобы повысить шанс на выживание в условиях катаклизмов, нужно будет переосмыслить, как

организована наша жизнь, как устроено жилище, как развиваются или должны развиваться города, каковы приоритеты хозяйственного развития целых государств. Повторю: безопасность – один из главных императивов; во всяком случае, сегодня это стало очевидным, и пусть кто-то попробует сказать, что это не так, а потом объяснит, почему оказался не прав и почему оказались не готовы к кризисам и потрясениям, с которыми сталкиваются целые народы.

Второе. Социально-экономические проблемы человечества обострились до степени, при которой в минувшие времена случались потрясения всемирного масштаба: мировые войны, кровопролитные общественные катаклизмы. Все говорят о том, что существующая модель капитализма – а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран – исчерпала себя, в её рамках нет больше выхода из клубка всё более запутанных противоречий.

Повсеместно, даже в самых богатых странах и регионах, неравномерное распределение материальных благ ведёт к усугубляющемуся неравенству, прежде всего неравенству возможностей – и внутри обществ, и на международном уровне. Отмечал этот серьёзнейший вызов и в своём выступлении на Давосском форуме недавно, в начале года. А все эти проблемы, конечно, грозят нам существенными, глубокими общественными расколами.

Больше того, в ряде государств и даже целых регионов периодически возникает кризис продовольствия. Наверное, мы ещё поговорим об этом, но есть все основания полагать, что этот кризис будет усугубляться в ближайшее время и может достичь крайних форм. Упомянуть нужно ещё

и дефицит воды, электроэнергии – об этом, наверное, тоже сегодня поговорим, – не говоря уже о проблемах бедности, высокого уровня безработицы или отсутствия должного медицинского обеспечения.

Всё это остро осознаётся отстающими странами, которые теряют веру в перспективу догнать лидеров. Разочарование подхлестывает агрессию, толкает людей в ряды экстремистов. У людей в таких странах нарастает чувство неоправдавшихся, несбывшихся ожиданий, ощущение отсутствия каких-либо жизненных перспектив не только для себя, но и своих детей. Именно это приводит к поиску лучшей доли, к неконтролируемой миграции, что в свою очередь создаёт предпосылки для социального недовольства [граждан] уже более благополучных государств. Мне здесь ничего объяснять не нужно, вы видите сами всё, своими глазами, да и лучше меня даже, наверное, в этом разбираетесь.

Да и других острых социальных проблем, вызовов, рисков в благополучных ведущих державах, как уже отмечал, хватает. Так что многим уже не до борьбы за влияние становится – тут надо, что называется, со своими бедами разобраться.

Гипертрофированная, резкая, порой агрессивная реакция общества, молодёжи на меры по борьбе с коронавирусом во многих странах показала – и я хочу это отметить, надеюсь, что кто-то уже до меня, выступая на различных площадках, об этом сказал, – так вот я думаю, что она показала, что инфекция стала только поводом: причины социального раздражения, недовольства намного глубже.

Важно отметить и другое. Пандемия коронавируса, которая теоретически должна была сплотить людей в борьбе с такой

масштабной общей угрозой, стала не объединяющим, а разъединяющим фактором. Причин тому много, но одна из главных в том, что решения проблем начали искать в привычных схемах – разных, но привычных, а они-то как раз и не работают. Точнее, работают, но часто, наоборот, как ни странно, на ухудшение положения.

Кстати говоря, Россия многократно призывала, и сейчас ещё раз повторю этот призыв, отбросить неуместные амбиции и работать вместе, сообща. Поговорим, наверное, ещё об этом, но что я имею в виду – всё понятно. Говорим о необходимости совместной борьбы с коронавирусной инфекцией. Но даже по гуманитарным соображениям – я имею в виду сейчас не Россию, бог с ними, с санкциями в отношении России, но санкции сохраняются по тем государствам, которые крайне нуждаются в международной помощи, – нет, ничего такого не происходит, всё сохраняется по-прежнему. А где же гуманистические начала западной политической мысли? На деле, оказывается, ничего нет, болтовня одна, понимаете? Вот что на поверхности оказывается.

Далее. Технологическая революция, впечатляющие достижения в области искусственного интеллекта, электроники, коммуникаций, генетики, биоинженерии, медицины открывают колоссальные возможности, но они же ставят в прикладном плане философские, моральные, духовные вопросы, которыми ещё недавно задавались только писатели-фантасты. Что будет, когда техника превзойдёт человека по способности мыслить? Где предел вмешательства в человеческий организм, после которого

человек перестаёт быть самим собой и превращается в какую-то иную сущность? Каковы вообще этические границы в мире, в котором возможности науки и техники становятся практически безграничными, и что это будет значить для каждого из нас, для наших потомков, причём уже ближайших потомков – для наших детей и внуков?

Названные изменения набирают обороты, и их, безусловно, не остановить, потому что они носят, как правило, объективный характер, и реагировать на их последствия придётся всем вне зависимости от политического устройства, экономического состояния или преобладающей идеологии. На словах все государства заявляют о приверженности идеалам сотрудничества, готовности вместе работать над решением общих проблем, но это именно, к сожалению, на словах. На деле же происходит прямо противоположное, и пандемия, повторю, только подстегнула негативные тенденции, которые наметились давно, а теперь только усугубляются. Подход в духе «своя рубашка ближе к телу» окончательно стал нормой, теперь этого даже и скрывать не пытаются, а зачастую даже этим кичатся, выставляют напоказ. Эгоистические интересы полностью взяли верх над понятием общего блага.

Дело, конечно, не только и не столько в злой воле тех или иных государств и пресловутых элит. Всё, на мой взгляд, сложнее, в жизни вообще редко встретишь только чёрное и белое. Каждое правительство, каждый лидер отвечают прежде всего перед своими согражданами, понятное дело. Главное – обеспечить их безопасность, спокойствие и благосостояние. Поэтому международные,

транснациональные темы никогда не будут столь же важны для руководства стран, как внутренняя стабильность. Это, в общем-то, нормально, правильно.

К тому же признаем: институты мирового управления далеко не всегда работают эффективно, их возможности не всегда соответствуют динамике глобальных процессов. В этом смысле пандемия могла бы помочь – она наглядно проявила, у каких институтов есть потенциал, а какие нуждаются в донастройке.

Изменившаяся расстановка сил предполагает перераспределение долей в пользу тех растущих и развивающихся стран, которые до сих пор чувствовали себя обделёнными. Говоря прямо, доминирование Запада в мировых делах, начавшееся несколько столетий назад и ставшее едва ли не абсолютным на короткий период в конце XX века, уступает место намного более многообразной системе.

Процесс этой трансформации, естественно, не механический и по-своему даже, можно сказать, уникальный. Политическая история, пожалуй, ещё не знает примеров того, как стабильное мировое устройство устанавливалось бы без большой войны и не на основе её итогов, как это было после Второй мировой. Так что у нас есть возможность создать чрезвычайно благоприятный прецедент. Попытка сделать это после окончания холодной войны на основании господства Запада успехом, как мы видим, не увенчалась. Нынешнее состояние мира – продукт как раз той самой неудачи, мы должны извлечь из этого уроки.

И можно задуматься: к чему мы пришли? К парадоксальному итогу. Как пример просто: два десятилетия самая могущественная страна мира вела военные кампании в двух государствах, несопоставимых с ней вообще ни по одному параметру. Но в результате ей пришлось свернуть свои операции, не добившись ни одной из целей, которые она перед собой ставила 20 лет назад, начиная эти операции, уйти из этих стран, понеся при этом и нанеся другим немалый урон. На самом деле ситуация только кардинально ухудшилась.

Но дело даже не в этом. Прежде война, проигранная одной стороной, означала победу другой, которая и брала на себя ответственность за происходящее. Скажем, поражение Соединённых Штатов во вьетнамской войне, например, не привело к тому, что Вьетнам превратился в «чёрную дыру», даже наоборот, там возникла успешно развивающаяся государственность, опиравшаяся на поддержку, правда, сильного союзника. Сейчас всё иначе: кто бы ни взял верх, война не прекращается, она лишь меняет форму. Условный победитель, как правило, не хочет или не может обеспечить мирное строительство, а только усугубляет хаос и углубляет опасный для мира вакуум.

Уважаемые коллеги!

Каковы, на наш взгляд, отправные точки сложного процесса переустройства? Позвольте их коротко попробовать сформулировать в виде тезисов.

Первый тезис. Пандемия коронавируса наглядно продемонстрировала, что структурообразующей единицей мирового устройства является только государство. Кстати,

последние события показали, что попытки глобальных цифровых платформ при всём их могуществе – а оно, конечно, очевидно, мы это видели по внутривнутриполитическим процессам в тех же Соединённых Штатах, – но всё-таки узурпировать политические или государственные функции им не удаётся, это эфемерные попытки. В тех же Штатах, как я уже сказал, их хозяевам, хозяевам этих платформ, сразу же указали на место, так же как делается это, собственно говоря, и в Европе, если посмотреть только на то, какие штрафы выдвигаются и какие предпринимаются сейчас меры по демонополизации, вы сами об этом знаете.

В последние десятилетия многие жонглировали броскими концепциями, согласно которым роль государства провозглашалась устаревшей и уходящей. Якобы в условиях глобализации национальные границы становятся анахронизмом, а суверенитет – препятствием для процветания. Вы знаете, я уже как-то говорил, хочу ещё раз это сформулировать: так говорили и те, кто пытался вскрыть чужие границы, полагаясь на свои конкурентные преимущества, – вот что происходило на самом деле. А как только выяснилось, что кто-то где-то добивается больших результатов, так сразу возвращаются к закрытию границ вообще и прежде всего своих собственных – таможенных границ, каких угодно, стены начинают строить. Ну что, мы не видим этого, что ли? Все всё видят и все всё прекрасно понимают. Да, конечно.

Сегодня даже нет смысла с этим спорить, это очевидно. Но развитие, когда говорили о необходимости раскрытия границ, развитие, как я уже сказал, пошло в противоположном

направлении. Только суверенные государства способны эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан. Соответственно, любой действенный международный порядок должен учитывать интересы и возможности государства, идти от них, а не пытаться доказывать, что их быть не должно. Тем более нельзя кому-то или что-то навязывать, будь то принципы общественно-политического устройства или ценности, которые кто-то по своим соображениям назвал универсальными. Ведь очевидно, что, когда приходит настоящий кризис, остаётся только одна универсальная ценность – человеческая жизнь, и как её защитить, каждое государство решает самостоятельно, исходя из своих возможностей, культуры, традиций.

В этой связи вновь отмечу, насколько тяжёлой и опасной стала пандемия коронавируса. Во всём мире от неё умерло, как мы знаем, сегодня уже более четырёх миллионов 900 тысяч человек. Эти страшные цифры сравнимы и даже превосходят военные потери основных участников Первой мировой войны.

Второй тезис, на который я хотел бы обратить внимание, – масштаб перемен заставляет нас всех быть особенно осторожными хотя бы из чувства самосохранения.

Качественные сдвиги в технологиях или кардинальные изменения в окружающей среде, слом привычного устройства не означает, что общество и государство должны реагировать на них радикально. Ломать, как известно, не строить. К чему это приводит, мы в России очень хорошо знаем, к сожалению, на собственном опыте и не один раз.

Сто с небольшим лет назад Россия объективно, в том числе и в связи с идущей тогда Первой мировой войной, переживала

серьёзные проблемы, но не больше, чем другие страны, а, может быть, даже и в меньшем масштабе и даже менее острые, и могла бы их цивилизованно постепенно преодолевать. Однако революционные потрясения привели к срыву, к распаду великой страны. История повторилась 30 лет назад, когда потенциально очень мощная держава вовремя не вступила на путь необходимых гибких, но обязательно продуманных преобразований и в результате пала жертвой догматиков разного толка: и реакционеров, и так называемых прогрессистов – все постарались, с обеих сторон. Эти примеры нашей истории позволяют нам утверждать: революция – путь не выхода из кризиса, а путь на усугубление этого кризиса. Ни одна революция не стоила того урона, который она нанесла человеческому потенциалу.

Третье. В современном хрупком мире значительно возрастает важность твёрдой опоры, моральной, этической, ценностной. По сути, ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный. Взаимные переплетения народов, без сомнения, обогащают, открытость расширяет кругозор и позволяет по-иному осмыслить собственную традицию. Но этот процесс должен быть органичным и не бывает быстрым. А чуждое всё равно будет отторгнуто, возможно, даже в резкой форме. Попытки ценностного диктата в условиях неопределённых и непредсказуемых перспектив ещё больше осложняют и без того острую ситуацию и влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат.

Мы с удивлением смотрим на процессы, разворачивающиеся в странах, которые привыкли считать себя флагманами

прогресса. Конечно, те социально-культурные потрясения, которые происходят в тех же Штатах и в Западной Европе, не наше дело, мы туда не лезем. Кто-то в западных странах уверен, что агрессивное вымарывание целых страниц собственной истории, «обратная дискриминация» большинства в интересах меньшинств или требование отказаться от привычного понимания таких базовых вещей, как мама, папа, семья или даже различие полов, – это, по их мнению, и есть вехи движения к общественному обновлению.

Знаете, ещё раз хочу подчеркнуть, это их право, мы не лезем туда. Мы просим только в наш дом особенно не лезть. У нас другая точка зрения, во всяком случае, у подавляющего большинства российского общества – так будет, конечно, более точно сказать – другая точка зрения: мы полагаем, что должны опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа.

Адепты так называемого социального прогресса полагают, что несут человечеству какое-то новое сознание, более правильное, чем прежде. И дай бог им, флаг в руки, как у нас говорят, вперёд. Только вот знаете, о чём сейчас хочу сказать: предлагаемые ими рецепты совершенно неновы, всё это – как это, может быть, кому-то покажется неожиданным – мы в России уже проходили, у нас это уже было. Большевики после революции 1917 года, опираясь на догмы Маркса и Энгельса, тоже объявили, что изменят весь привычный уклад, не только политический и экономический, но и само представление о том, что такое человеческая мораль, основы здорового существования общества. Разрушение вековых

ценностей, веры, отношений между людьми вплоть до полного отказа от семьи – такое было, – насаждение и поощрение доноительства на близких – всё это объявлялось поступью прогресса и, кстати говоря, в мире достаточно широко поддерживалось тогда и было модным, так же как и сегодня. Кстати говоря, также большевики проявляли абсолютную нетерпимость к любым другим мнениям.

Вот это, по-моему, должно нам кое-что напоминать о том, что сейчас мы видим. Глядя на происходящее в ряде западных стран, мы с изумлением узнаём отечественные практики, которые сами, к счастью, оставили, надеюсь, в далёком прошлом. Борьба за равноправие и против дискриминации превращается в агрессивный догматизм на грани абсурда, когда великих авторов прошлого – того же Шекспира – перестают преподавать в школах и университетах, потому что они, эти идеи, являются, как там считают, отсталыми. Классики объявляются отсталыми, не понимающими важности гендерного или расового вопроса. В Голливуде выпускают памятки, как и о чём нужно снимать кино, сколько персонажей какого цвета или пола там должно быть. Получается похлеще, чем отдел агитации и пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Противодействие проявлениям расизма – дело необходимое, благородное, однако в новой «культуре отмены» оно превращается в «обратную дискриминацию», то есть расизм наоборот. Навязчивое подчёркивание расовой темы ещё больше разобщает людей, а ведь мечтой истинных борцов за гражданские права было как раз стирание различий, отказ от деления людей по цвету кожи. Я напомню, специально

попросил коллег вчера подобрать эту цитату Мартина Лютера Кинга, он сказал, как вы помните: «Я мечтаю о том, что придёт день, когда мои четыре ребёнка будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а в соответствии с их личностными качествами» – вот истинная ценность. Но что-то там всё по-другому как-то сейчас, мы видим, происходит. Кстати, у нас, в России, нашим гражданам в абсолютном большинстве всё равно, какого цвета у человека кожа, он или она – тоже не так важно. Каждый из нас – человек, вот что главное.

В совершенную фантасмагорию превратилась в ряде западных стран дискуссия о правах мужчин и женщин. Смотрите, дойдёте там до того, как большевики предлагали, не только кур обобществлять, но и женщин обобществлять. Ещё один шаг – и вы там будете.

Ревнителю новых подходов заходят так далеко, что хотят отменить сами эти понятия. Тех же, кто рискует сказать, что мужчины и женщины всё-таки есть и это биологический факт, подвергают чуть ли не остракизму. «Родитель номер один» и «родитель номер два», «родивший родитель» вместо «мама», запрет на использование словосочетания «грудное молоко» и замена его «человеческим молоком» – чтобы люди, неуверенные в собственной половой принадлежности, не расстроились. Повторю, это не ново, в 1920-е годы советские культуртрегеры так называемые изобрели тоже так называемый новояз, полагая, что таким образом они создают новое сознание и меняют ценностный ряд. И, как я уже говорил, такого наворотили, что до сих пор икается подчас.

Не говорю уже о просто чудовищных вещах, когда детям

сегодня с малолетства внушают, что мальчик легко может стать девочкой и наоборот, фактически навязывают им якобы имеющийся у каждого выбор. Навязывают, отстраняя от этого родителей, заставляя ребёнка принимать решения, способные сломать ему жизнь. И никто даже не советуется с детскими психологами: вообще, ребёнок в каком-то возрасте в состоянии принимать решение подобного рода или нет? Называя вещи своими именами, это уже просто на грани преступления против человечности, и всё под именем и под знаменем прогресса.

Ну кому-то нравится – пусть это делает. Когда-то уже говорил, что, формируя свои подходы, мы будем руководствоваться идеологией здорового консерватизма. Это было несколько лет назад, тогда страсти на международной арене ещё не достигали нынешнего накала, хотя, конечно, можно сказать, что тучи уже тогда сгущались. Сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло именно в силу множющихся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности.

Консервативный подход не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более не замыкание в собственной скорлупе. Это прежде всего опора на проверенную временем традицию, сохранение и приумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчётливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий. И, скажем прямо, на предстоящий период мирового

переустройства, которое может продолжаться довольно долго и окончательный дизайн которого неизвестен, умеренный консерватизм – самая разумная, во всяком случае, на мой взгляд, линия поведения. Она неизбежно будет меняться, разумеется, но пока врачебный принцип «не навреди» представляется наиболее рациональным. *Noli nocere*, как известно.

Повторю, для нас в России это не умозрительные постулаты, а уроки нашей непростой, временами трагической истории. Цена непродуманного социального естествоиспытательства иногда просто не поддаётся оценке, оно разрушает не только материальные, но и духовные основы существования человека, оставляет за собой нравственные руины, на месте которых долго невозможно вообще ничего построить.

Наконец, ещё один тезис. Мы хорошо понимаем, что без тесного международного сотрудничества решить множество общих острых проблем невозможно. Но надо быть реалистами: большинство красивых лозунгов насчёт глобального решения глобальных проблем, которые мы слышали с конца XX века, никогда не будут реализованы. Глобальные решения предусматривают такую степень передачи суверенных прав государств и народов наднациональным структурам, к которым, честно говоря, мало кто готов, а если сказать откровенно, никто не готов. Прежде всего потому, что отвечать за результаты политики всё равно приходится не перед глобальной общественностью какой-то неведомой, а перед своими гражданами и перед своими избирателями.

Но это вовсе не означает, что невозможно какое-

то самоограничение во имя того, чтобы содействовать ответам на общемировые вызовы, именно по той причине, что общемировой вызов – это вызов всем вместе и каждому в отдельности. И если каждый сможет увидеть для себя конкретную выгоду от сотрудничества по противодействию таким вызовам, это повысит, безусловно, и степень готовности к реальной совместной работе.

Чтобы стимулировать такую работу, стоит, например, составить на уровне ООН своего рода реестр вызовов и угроз конкретным странам, а также возможных их последствий для других государств. При этом к такой работе следует привлечь специалистов из различных государств и из различных научных дисциплин, в том числе и вас, уважаемые коллеги. Полагаем, что подобная «дорожная карта» способна сподвигнуть многие государства по-новому взглянуть на мировые проблемы и оценить, какую пользу именно они могут извлечь из кооперации.

Уже упоминал о проблемах международных институтов. К сожалению, это всё более очевидный факт: реформирование или упразднение части из них стоит на повестке дня. Но главный международный институт – Организация Объединённых Наций – остаётся для всех непреходящей ценностью, во всяком случае, сегодня. Считаю, что именно ООН в нынешнем турбулентном мире является носителем того самого здорового консерватизма международных отношений, который так необходим для нормализации ситуации.

Организацию много критикуют за то, что она не успевает адаптироваться к стремительным переменам. Отчасти это

справедливо, конечно, но, наверное, это не только вина самой Организации, но и прежде всего её участников. Кроме того, эта международная структура является носителем не только норм, но и самого духа нормотворчества, причём основанного на принципах равенства и максимального учёта мнения всех. Наша обязанность – сохранить это достояние, конечно, реформируя организацию, но так, чтобы, как говорится, с водой не выплеснуть и ребёнка.

Уже не первый раз говорю и призываю с высоких трибун – а благодаря вам, уважаемые друзья и коллеги, «Валдай» такое качество, на мой взгляд, приобретает, если уже не приобрёл, становится такой авторитетной площадкой: время идёт, проблемы копятся, становятся более взрывоопасными, и нужно действительно работать вместе. Поэтому, ещё раз повторяю, использую эту площадку для того, чтобы заявить о нашей готовности работать совместно над решением наиболее острых общих проблем.

Уважаемые друзья!

Перемены, о которых сегодня говорилось и до меня, и ваш покорный слуга их упоминал, затрагивают все страны и народы, и Россия, конечно, наша страна, не исключение. Мы, как и все, ищем ответы на самые острые вызовы времени.

Готовых рецептов здесь, конечно, ни у кого нет. Но рискну утверждать, что наша страна обладает преимуществом. Сейчас объясню, в чём оно, – в нашем историческом опыте. Не раз обращался к нему, если вы обратили внимание, и в этом выступлении. К сожалению, приходилось вспоминать много негативного, но зато у нашего общества выработался,

как сейчас говорят, «коллективный иммунитет» к экстремизму, который ведёт к потрясениям и социально-политическим обвалам. Люди у нас действительно ценят стабильность и возможность нормально развиваться, быть уверенными в том, что их планы и надежды не рухнут из-за безответственных устремлений очередных революционеров. У многих в памяти свежи события 30-летней давности и то, как мучительно приходилось выкарабкиваться из ямы, в которой наша страна, наше общество оказались после распада СССР.

Наш консерватизм – это консерватизм оптимистов, это самое главное. Мы верим, что стабильное, успешное развитие возможно. Всё в первую очередь зависит от наших собственных усилий. И конечно, мы готовы работать с нашими партнёрами ради общих благородных целей.

Хочу поблагодарить всех участников ещё раз за внимание. И по сложившейся ситуации, конечно, с удовольствием отвечу или попробую ответить на ваши вопросы.

Спасибо за ваше терпение.

Ф.Лукьянов: Спасибо большое, Владимир Владимирович, за такое объёмное выступление не только по текущим и не столько по текущим политическим проблемам, но и по таким основополагающим вещам. Не могу не спросить вдогонку. Несколько раз практически лейтмотивом у Вас проходили понятия: исторический опыт, традиция, консерватизм, здоровый консерватизм.

Скажите, пожалуйста, а нездоровый консерватизм Вас не пугает? Где грань, которая отделяет здесь здоровье

от нездоровья? Когда традиция из основы превращается в обузу?

В.Путин: В обузу можно превратить всё что угодно, если действовать неаккуратно. Но я, когда говорю о здоровом консерватизме, всегда вспоминаю Николая Бердяева, которого я тоже уже неоднократно упоминал. Это наш выдающийся философ. Он, как известно, был изгнан из Советского Союза в 1922 году, но он человек, всем своим существом устремлённый в будущее. Он тоже был сторонником консерватизма. При этом он говорил, может быть, я не воспроизведу точно эту цитату, но тем не менее: консерватизм – это не то, что мешает идти вверх и вперёд, а то, что мешает идти назад и вниз, к хаосу. Вот если мы так будем воспринимать консерватизм, то это будет хорошим подспорьем для развития.

Ф.Лукьянов: Если говорить о традиции, традиционные ценности, тоже очень часто Вы об этом говорите, и у нас в обществе много обсуждается, и, в частности, Вы предлагаете, чтобы традиционные ценности были основой для объединения мира. Но традиция на то и есть, что она уникальная, она национальная. Как можно объединяться всем на одних традиционных ценностях? У всех традиции разные.

В.Путин: Вы знаете, дело в чём? Дело в том, что, конечно, есть огромное своеобразие и особые черты у каждого народа в разных частях мира. Но всё-таки есть и нечто такое, что объединяет всех людей. Мы же все люди, мы все хотим жить. Ценность жизни является абсолютной.

На мой взгляд, тем же самым является ценность семьи,

потому что в основе – продолжение рода. Мы хотим быть или не хотим? Быть или не быть? Если мы не хотим быть, тогда и ладно. Понимаете, адаптировать – это тоже хорошо, это очень важно, но для того, чтобы ребёнка адаптировать, его кто-то должен родить. Вот вторая абсолютно универсальная ценность. Есть и другие.

Что мне их перечислять, вы здесь все умные люди, все всё прекрасно понимают, в том числе и Вы. Поэтому да, на основе этих общих, общечеловеческих ценностей и нужно строить то, что может быть предметом нашей совместной работы.

Ф.Лукиянов: Вы сказали такую очень сильную фразу, что современная модель капитализма себя исчерпала, и в её рамках мировые проблемы не решаются. Многие так говорят сейчас, но Вы же обращаетесь к нашему несчастному опыту XX века, а мы тогда, между прочим, как раз тем и занимались, что капитализм решительно отвергли, и тоже как-то в итоге получилось не очень. То есть мы хотим туда вернуться? Или куда мы от этой неработающей модели капитализма идём?

В.Путин: Я же сказал, что готовых рецептов нет.

Действительно, то, что мы сейчас наблюдаем, скажем, на тех же энергетических рынках, я думаю, мы наверняка будем об этом ещё говорить, но вот это и есть проявление того самого капитализма, который не работает. «Рынок отрегулирует» – ну пожалуйста, 1500 или 2000 долларов за 1000 кубов газа. Что он отрегулировал?

Когда всё хорошо и всё стабильно, то практически во всех экономиках мира все участники экономической деятельности требуют больших свобод и меньшего участия государства

в экономике. Как только начинаются сложности, особенно если сложности глобального характера, все тут же требуют от государства вмешательства.

Очень хорошо помню в 2008–2009 годах, когда разразился мировой финансовый кризис, я был тогда Председателем Правительства Российской Федерации. У меня были разговоры со многими нашими успешными до какого-то времени – ну и сейчас, слава богу, у них всё в порядке – предпринимателями. Они пришли, готовы были за рубль отдать компанию, которая стоит десятки, а может быть, сотни миллионов долларов. Почему? Нужно было брать на себя ответственность за трудовые коллективы, за будущее этих предприятий. Им легче было сохранить нажитое, но ответственность от себя передать.

Мы тогда договорились, что государство плечо подставит: не будет забирать бизнес, маржин-коллы погасит, возьмет на себя определённую ответственность. Мы нашли вместе с бизнесом решение. В результате этого решения мы и крупнейшие наши частные компании спасли, и государство потом на этом заработало. Реально заработали деньги, потому что, когда компании уже вставали на ноги, они возвращали то, что должны государству. Причём государство прибыль получило, приличную прибыль.

Вот здесь, наверное, нам нужно вместе поискать, посмотреть опыт друг друга. В других странах тоже есть очень позитивный опыт сопоставления возможностей государства и рынка. Самый яркий пример – Китайская Народная Республика. У них при сохраняющейся ведущей роли Компартии всё-таки рыночные институты работают, и работают эффективно.

Это же очевидная вещь.

Поэтому готовых рецептов нет. Дикий капитализм тоже не работает, я об этом сказал, готов ещё раз сказать и только что, мне кажется, подтвердил это на примерах.

Вы знаете, во всяком случае, это очень похоже на искусство. Нужно понять, почувствовать, в какой момент чего-то больше использовать: где-то соли добавить, где-то сахара, понимаете? Руководствуясь общими принципами, на которые мы внимательно смотрим, когда их формулируют международные финансовые организации, скажем, как МВФ, ОЭСР и так далее, нужно понимать: а мы-то сами где находимся? И сопоставляя возможности с нашими планами, мы должны действовать. У нас, в России, кстати говоря, на протяжении предыдущих лет, в том числе и связанных с преодолением последствий эпидемии, в целом это получается. И в других странах, мы тоже видим, результат неплохой.

Ф.Лукьянов: Я так понимаю, у нас не только консерватизм оптимистов, но и капитализм оптимистов строится.

В.Путин: Вы знаете, мы должны строить социальное государство. Правда, и в Европе, особенно в Северной Европе, давно об этом говорят, что нужно строить социальное государство. Для нас это особенно важно, имея в виду разницу в доходах различных категорий граждан. Хотя это не только наша проблема, во всех ведущих экономиках мира, посмотрите, в тех же Штатах, в Европе – в Европе чуть поменьше, в Штатах побольше.

Я уже об этом много говорил, основные предпочтения от того,

что происходило в прошлые годы, всё-таки получила небольшая прослойка людей, которые и без того были богатые. Рост их богатства многократно увеличился по сравнению с тем, что пришлось на средний класс и на беднейшие слои населения. Там тоже эта проблема очень ярко смотрится. В Европе не так остро, но тем не менее это наблюдается.

Ф.Лукиянов: Спасибо.

Тогда последний вопрос от меня, чтобы зал не мучить. Вы сказали про неоценимую роль Организации Объединённых Наций. Это понятно: это основа и всё такое. Но Организацию Объединённых Наций многие сейчас критикуют, Вы тоже об этом упомянули.

Ваш добрый знакомый Президент Турции Эрдоган буквально на днях сказал, что Совет Безопасности надо менять, потому что группа стран – победителей Второй мировой войны монополизировала власть, и так быть не должно. Вы согласны с этим?

В.Путин: Нет. Он приезжал, недавно был в России, как вы знаете, мы с ним встречались, и я сам поднял этот вопрос. Я сказал, что видел его тезисы. Должен сказать, что всю книжку я не прочитал, конечно, но отдельные идеи. Я с некоторыми солидарен, хороший анализ на самом деле. Понятно, почему лидер Турции говорит об этом, потому что он считает, судя по всему, что и Турция могла бы быть постоянным членом Совета Безопасности. Но это не нам, не России решать. Это нужно решать в ходе консенсуса при определении и при окончательном решении вопросов

подобного рода. Индия есть, есть Южная Африка. Понимаете, это всё справедливо. Вопрос только в том, как найти этот баланс.

Здесь возможны разные решения, сейчас не буду об этом говорить, забегаю вперёд и не предвосхищая позицию России по этой дискуссии. Но что важно – я сказал сейчас в своём вступительном слове, сказал об этом и Президенту Эрдогану: если мы разрушим право вето постоянных членов, то Организация Объединённых Наций умрёт в этот же день, она превратится в Лигу наций, всё. Это будет просто площадка для дискуссий, Валдайский клуб номер два. Валдайский клуб номер один – он же здесь. (Смех.)

Ф.Лукиянов: Мы готовы заменить.

В.Путин: А Валдайский клуб номер два будет в Нью-Йорке.

Ф.Лукиянов: Мы поедем, заменим с удовольствием.

В.Путин: В том-то всё и дело: не хотелось бы ничего менять. То есть менять нужно, не хотелось бы разрушать основу – в этом весь смысл ООН на сегодняшний день, что есть пятёрка постоянных членов, и у них есть право вето. В Совете Безопасности представлены и другие государства, но они являются непостоянными членами.

Надо подумать, как сделать эту организацию более сбалансированной, тем более что действительно, это же правда, и в этом смысле Президент Эрдоган прав, она же рождалась после Второй мировой войны, был определённый расклад сил. Теперь он меняется, он уже изменился.

Мы знаем хорошо с вами: Китайская Народная Республика

по паритету покупательной способности обогнала Соединённые Штаты. Это что такое? Это и есть глобальные изменения.

А Индия? Там тоже почти полтора миллиарда человек, экономика развивается быстро и так далее. А Африка почему не представлена? А где Латинская Америка? Конечно, об этом нужно подумать – гигант такой растёт, как Бразилия. Это всё предметы обсуждения. Суесться только не нужно. Нельзя допустить ошибок на пути реформирования.

Ф.Лукиянов: Руководство Валдайского клуба рассмотрит вопрос о проведении заседания в Нью-Йорке. Боюсь, только визу не всем нам дадут, но ничего, будем работать.

В.Путин: Нет, а, кстати говоря, почему нет? Валдайский клуб может и в Нью-Йорке собраться.

Ф.Лукиянов: Вы тогда с Байденом договоритесь про визы.
(Смех.)

В.Путин: Мне кажется, даже на уровень глав государств не нужно [поднимать]. Попросим Сергея Лаврова, он там со своими коллегами поговорит.

Нет, а что? Я серьёзно говорю. Почему не провести Валдайский клуб где-то на нейтральной площадке, за рубежами Российской Федерации? Можно. Мне кажется, это может быть интересно.

Вот здесь, в зале, сидят люди очень известные, хорошие аналитики, известные в своих странах. Дополнительно можно привлечь людей, которые в стране проведения могут присоединиться к этим дискуссиям. Чего здесь плохого-то?

Это же хорошо.

Ф.Лукиянов: Ну что ж, цель намечена.

В.Путин: Это не цель, это возможность.

Ф.Лукиянов: Возможность. Как кризис: он же возможность.

В.Путин: Да.

Ф.Лукиянов: Пожалуйста, Пётр Дуткевич.

П.Дуткевич: Владимир Владимирович, я хотел бы обратиться к Вашим словам, которые Вы только что сказали, что Россия должна опираться на российские ценности. Мы об этом, кстати, говорили и на Валдайском клубе позавчера.

Хотел бы Вас спросить, кто из российских мыслителей, учёных, антропологов, писателей Вам самый близкий, для того чтобы для себя самого Вы определили эти ценности, которые потом будут ценностями для всех россиян?

В.Путин: Вы знаете, я не хотел бы говорить, что только Иван Ильин. Я читаю Ильина, читаю до сих пор. У меня книжка лежит на полочке, и время от времени снимаю, читаю. Бердяева я упомянул, другие наши мыслители. Это всё люди, которые думали о России, думали о её будущем. Конечно, с поправкой на то время, когда они творили, писали, формулировали свои идеи, но всё равно мне очень интересен ход их мыслей.

Известная идея о пассионарности наций. Интересная же идея. Можно спорить, до сих пор ещё спорят. Если по идеям, которые ими были сформулированы, до сих пор идут споры, значит, это не пустые идеи как минимум.

Напомню о пассионарности наций. Она связана с тем, что, по мнению автора этой идеи, народы, нации, этносы, так же как живой организм, рождаются, достигают пика своего развития, а потом потихонечку стареют. Во многих странах, в том числе и на Американском континенте, сегодняшнюю Западную Европу называют стареющей. Термин используют. Так это или не так – трудно сказать. Но сама идея о том, что внутри нации должен быть движущий механизм развития, воля к развитию, к самоутверждению, на мой взгляд, имеет под собой основания.

Мы наблюдаем, что некоторые страны сейчас на подъёме, несмотря на то что у них очень много нерешённых проблем. Такой вулкан бурлит, как на испанском острове всё происходит, лава выбрасывается наверх. А есть те, у которых всё затухло давно, и там только птички поют.

Пожалуйста, прошу Вас.

П.Дуткевич: Владимир Владимирович, Вы упомянули Льва Гумилёва, от которого я получил в Питере в 1979 году самиздат его первой книги. И я Вам этот самиздат передам.

В.Путин: Спасибо Вам большое.

Ф.Лукиянов: Самиздат, традиция.

Дорогие друзья, пожалуйста, представляйтесь, когда берёте слово.

А.Миллер: Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Алексей Миллер, историк, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

В.Путин: У нас два Алексея Миллера. Какая богатая Россия!

(Смех.)

А.Миллер: Два года назад Вас спрашивали во время встречи с Валдайским клубом о резолюции Европейского парламента, где на Советский Союз и, соответственно, на Россию возлагалась равная с нацистской Германией ответственность за начало Второй мировой войны. С тех пор Вы не раз обращались к этой теме и в своих выступлениях, и в статье, которая вышла летом 2020 года.

И среди прочего, когда Вы открывали памятник жертвам блокады Яд ва-Шем в январе 2020 года, сказали о том, что Вы бы предложили встречу лидеров «большой пятёрки», чтобы в том числе и эта тема была обсуждена, чтобы мы вышли из режима такой конфронтации, такой войны памяти. Но, по-моему, с тех пор лучше не стало. Может быть, Вы что-то знаете такое, что в публичной сфере неизвестно, может быть, какие-то изменения к лучшему? Было бы здорово, если бы Вы нам об этом рассказали.

И второй вопрос вдогонку к этому. Когда есть такая конфронтация внутри стран, которые в такую войну памяти вовлечены, всегда возникает искушение сплотить ряды и в некотором смысле ограничить в большей или меньшей степени свободу дискуссий, историков в том числе. А такие дискуссии всегда предполагают различия мнений, в том числе и какие-то рискованные, может быть, даже неправильные мнения. Вы применительно к нашей стране видите такую угрозу сокращения этой свободы?

В.Путин: Нет, угрозы такой, мне кажется, у нас нет. У нас иногда возникает угроза безответственности за то, что люди

говорят, такое есть, но это обратная сторона как раз той самой свободы, о которой Вы сейчас сказали.

Если говорить о моей инициативе провести встречу глав государств пятёрки постоянных членов Совета Безопасности, то она в принципе была всеми поддержана, и можно было бы это сделать. Там возникли проблемы, которые с Россией не связаны, связанные с некоторыми спорами внутри этой пятёрки. Повторяю, это связано не с Россией. Первое.

А второе, в скором времени началась эта пандемия, и всё усложнилось на самом деле.

Сама идея встречи встречена была весьма позитивно, и, надеюсь, может быть, это когда-то и состоится. Это точно пойдёт на пользу. Мы обсуждаем это и с американскими партнёрами, и с нашими китайскими друзьями, с французами, французский Президент, кстати, сразу это поддержал, и с Великобританией. Там есть свои идеи, свои предложения, чем наполнить такую встречу дополнительно, но сама по себе идея в целом поддержана. Надеюсь, условия сложатся, мы такую встречу проведём.

Что касается исторической памяти вообще, связанной со Второй мировой войной, Вы знаете, конечно, я готов сам на эту тему говорить аргументированно. У нас много претензий к правителям страны с 1917 года по 1990-й, это очевидная вещь. Но ставить тем не менее на одну доску нацистов и коммунистов в преддверии Второй мировой войны и разделять ответственность 50 на 50 – это абсолютно недопустимо. Это ложь!

Вы знаете, я говорю так не только потому, что я русский

человек и в данный момент являюсь главой Российского государства, а Россия – правопреемница Советского Союза. Я вам говорю в данном случае отчасти – хотя бы отчасти – как исследователь. Я читал документы, просто поднял их из архива эти документы. Мы сейчас их публикуем всё больше и больше.

Поверьте мне: я когда читал, у меня даже по-другому картина начала складываться. Можно как угодно, и есть за что вспомнить Сталина – за его лагеря, за репрессии и так далее. Но я видел в документах его резолюции. Реально Советское правительство боролось за то, чтобы предотвратить начало Второй мировой войны. Тоже можно сказать, что по разным причинам. Кто-то может сказать, что не были готовы, поэтому старались предотвратить. Но точно совершенно старались предотвратить. Боролось за сохранение Чехословакии, ставили вопросы по поводу того, чтобы защитить её суверенитет. Я читал, прямо читал – здесь секрета нет, мы же сейчас открываем эти архивы, – какова была реакция той же Франции на происходящие события, в том числе и по встрече в Мюнхене в 1938 году с Гитлером ведущих политических деятелей.

Когда это читаешь, видишь, понимаешь, что попытка извратить, конечно, она всегда может быть, но хотя бы прочитайте эти документы! Я понимаю сегодняшнее польское руководство по поводу событий 1939 года, но когда им говоришь: ребята, вы посмотрите, что происходило чуть-чуть пораньше до этого. Вы же участвовали вместе с Германией в разделе Чехословакии. Вы же фитиль этот подожгли, открыли пробку, а потом джинн вылетел, и его уже туда

не загонишь.

Я читал и архивные документы, которые оказались у нас после того, как Красная армия прошла через Европу: и немецкие, кстати говоря, и польские, и французские, – у нас всё есть. Напрямую просто договорились о разделе Чехословакии, договорились о времени вхождения войск. Ну послушайте, а потом всё сваливать на Советский Союз! Это просто не соответствует реалиям и действительности.

Если по-простому, а кто напал-то на кого? Что, разве Советский Союз напал на Германию? Нет. Да, были эти секретные договорённости между Германией и Советским Союзом. Кстати, обращу ваше внимание на то, что в Брест советские войска вошли тогда, когда там уже немецкие стояли, немецкие просто подвинулись, и всё, Красная армия вошла, понимаете?

Не нужно политизировать здесь ничего. Давайте спокойно на уровне экспертов почитаем документы и разберемся во всём. Ведь никто не обвиняет тогдашнее польское руководство. Но мы не позволим обвинять и Россию, Советский Союз, в том, в чём её обвиняют.

И наконец, Вы меня извините, есть какие-то вещи совершенно очевидные. Кроме того, что 22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз, а не наоборот, давайте не забудем, кто Берлин взял штурмом. Американцы, что ли? Англичане или французы? Красная армия. Подзабыли, на секундочку? Вспомнить несложно, это же очевидный факт.

У нас только под Сталинградом 1 миллион 100 тысяч человек погибло. У Великобритании сколько? 400 тысяч. Меньше

полумиллиона и в США. 75 процентов, а то и 80 всего потенциала вермахта было уничтожено Красной армией Советского Союза. Вы что, подзабыли это, что ли, совсем?

Нет, не подзабыли, а просто используют эти события прошлого для решения сегодняшних конъюнктурных внутриполитических вопросов. Это плохо, потому что такое манипулирование историей ни к чему хорошему не ведёт. Оно, во всяком случае, не ведёт к взаимопониманию, которое так нужно сегодня.

Ф.Лукиянов: Пожалуйста, Ориетта Москателли.

О.Москателли: Ориетта Москателли, Италия. Спасибо за встречу!

Как Вы упомянули, 30 лет с распада Советского Союза идут разные разговоры среди других о Homo sovieticus.

Действительно ли был такой человек? Так что вопрос: думаете ли Вы, что на самом деле это было так? Считаете, что Россия полностью преодолела советский опыт как общество? Если можно, что больше всего осталось в Вашей жизни от советских времен?

Спасибо.

В.Путин: Я, во всяком случае, многие люди моего поколения, конечно, помнят об этом тезисе, об этой формулировке – новая общность, советские люди, советский человек. Конечно, мы все это помним. В самом этом тезисе ничего плохого нет. Это первое.

Второе. Смотрите, весь мир говорит, в Штатах говорят о Соединённых Штатах как о «плавильном котле», в котором

идёт «плавление» людей разных наций, народов, вероисповеданий и так далее. Что здесь плохого? Они все гордятся – ирландцы, выходцы из Европы, из Восточной Европы, откуда угодно, те же латиноамериканцы, африканцы по своему первоначальному происхождению – многие из них гордятся тем, что они граждане США. Ну и замечательно. Вот это такой «плавильный котёл».

Россия ведь тоже «плавильный котёл». С момента формирования единого Русского государства – ещё первые шаги были сделаны, наверное, в VIII – IX веках, и после Крещения Руси начала образовываться и русская нация как таковая, и централизованное Русское государство на основе и общего рынка, общего языка, власти князя и общих духовных ценностей – начало образовываться Русское государство, потом оно расширялось. И это тоже такой «плавильный котёл».

Ничего нового особенно в Советском Союзе не создали, кроме одного очень важного обстоятельства: вот эта новая общность – советский человек, советские люди, она приобрела идеологическую окраску, и, конечно, ничего хорошего здесь нет, потому что это сужает горизонты возможного. Это первое.

Второе. На советских людях отразились положительные элементы, связанные с этим советским периодом нашего времени. А это что? Это присущий нашим народам патриотизм, это верховенство духовности над материальным, это те самые ценности, о которых я говорил, в том числе семейные. Но также и «прилипло» то, что было негативного в жизни и судьбе Советского Союза. Например, советский

человек был лишён собственности как таковой. Личная собственность, подсобное хозяйство – это, понимаете, совсем другие категории. Отсюда отношение к труду, «уравниловка» и так далее.

В Советском Союзе было много проблем, которые на самом деле лежали в основе тех событий, которые привели к крушению СССР. Но всё это мазать только одной чёрной краской неправильно, грубо и неприлично. Знаю, такие тоже есть у нас, которые всё только чёрной краской мажут. Значит, они достойны того, чтобы их самих макнуть во что-нибудь такое, что плохо пахнет.

Есть и плюсы, и минусы. А вот то, что такой «плавильный котёл» был, считаю, что это хорошо, потому что это обогащает людей, обогащает народ.

Вы знаете, для России ведь что характерно, если почитать исторические документы, это везде прослеживается: Россия, когда расширяла свои территории, никогда не ставила в сложное положение тех людей, которые вливались в состав единого Российского государства. Это касалось и вероисповедания, и традиций, и истории. Почитайте указы Екатерины II, прямое указание: относиться с уважением. В том числе, скажем, к тем, кто исповедует ислам. Это было всегда, это традиция. В этом смысле, если иметь в виду сохранение вот этих традиций, в новой общности «советский человек» ничего плохого не было, кроме идеологизации этого «плавильного котла» и результатов его функционирования.

И, я уже сказал, всё, что было связано с советским периодом нашей истории, сейчас об этом упомянул, и, наверное,

лишний раз крутиться вокруг одной и той же темы нет смысла.

Что касается меня, то, так же как и подавляющее большинство людей моего поколения, как я сказал, конечно, мы сталкивались и с проблемами этого периода, но и с тем позитивом, который тоже забывать невозможно. Ваш покорный слуга закончил университет, будучи родом из семьи рабочих, получил хорошее образование в Ленинградском государственном университете. Разве этого мало? Тогда образование смотрелось и действовало как действительно реальный социальный лифт. Очень многие в тот период времени, когда в целом уравнивательный принцип функционировал в самом широком смысле этого слова, сталкивались с ним в негативном ключе, имеется в виду эта уравниловка и соответствующее отношение к работе, тем не менее пользовались и преференциями социальных лифтов, о которых я сказал. Может быть, это просто наследие прежних поколений или отчасти это даже культивировалось в Советском Союзе. Это тоже важно.

Я сейчас про свою семью вспомнил. Простые же люди были у меня мама и папа, и они не говорили лозунгами. Но я очень хорошо помню, как даже дома, в домашних условиях, в семье, в быту, обсуждая те или иные проблемы, они всегда, я хочу это подчеркнуть, всегда так или иначе, по-своему, по-простому, по-народному, но с уважением относились к своей стране. И это не какой-то показной патриотизм, а это в нашей семье было внутри.

Думаю, что имею право сказать, что такие позитивные качества культивировались в подавляющем большинстве русского народа и других народов Советского Союза.

Не случайно за сохранение Союза проголосовало накануне его развала свыше 70 процентов. Многие ведь и в союзных республиках, которые приобрели независимость, реально, искренне сожалели о том, что произошло. Но сейчас другая жизнь, и мы исходим из того, что она развивается так, как она есть, и в принципе признаём современные реалии.

Ну а по поводу советского человека, как тогда говорили, новой формации, это я уже, мне кажется, сказал достаточно.

Ф.Лукиянов: У нас в этом году особое заседание Валдайского клуба ещё и потому, что впервые в нашей истории у нас присутствует лауреат Нобелевской премии мира.

Я хотел бы предоставить слово Дмитрию Муратову.

Д.Муратов: Спасибо.

Добрый день!

Уважаемый господин Президент, гости Валдайского клуба, Фёдор, хочу сказать, что деньги [премии] поделены.

Спасибо фонду «Круг добра». Больше того, мы рассчитываем, что наш скромный вклад приведёт к тому, что мы обратим внимание: в фонде «Круг добра» дети до 18 лет, а с 18 лет они остаются уже без помощи. Типа: спасибо, мы тебя спасали, а теперь прощай. Мы рассчитываем, что фонд «Круг добра» – они, видимо, к этому готовы – расширит свой мандат. Это детский хоспис «Дом с маяком», это первый московский хоспис «Вера», это фонд «Подари жизнь», это премия Анны Степановны Политковской и Фонд медицинской помощи работникам СМИ. На этом всё.

Ещё, конечно, считаю, что в какой-то степени, наверное, это

премия и нашей стране, хотя я считаю себя самозванцем.

Постараюсь, чтобы она была для наших людей полезна.

Теперь, если позволите, короткая реплика и вопрос.

Я очень внимательно изучил Ваш ответ, Владимир Владимирович, на Московской энергетической неделе по поводу иноагентов, что это не мы первые приняли закон, а Соединённые Штаты ещё в 1930-х годах.

Но поскольку, господин Президент, мы же не каждый закон, принятый в США, принимаем у себя, у меня вопрос про иноагентов остаётся. Он ведь касается, мне кажется, не только тех десятков и десятков журналистов и правозащитников, которые включены в реестр, он касается и сотен тысяч и миллионов, которые читали этих журналистов. Поэтому мне представляется это серьёзным.

Самое главное. Вы сейчас упомянули свой ленинградский университет, я Вам хочу сказать, что как раз это Ваше образование даст возможность нам друг друга понять. Этот закон бессуден, там не предусмотрен суд. Тебя назначают иностранным агентом, и нет состязания сторон, предоставления доказательств и приговора. Есть клеймо. Напомню нашу любимую с детства книгу: это такое же клеймо, как у миледи в «Трёх мушкетёрах». Но ведь, когда миледи отрубали голову, лилльский палач на рассвете, всё-таки ей прочитали приговор. А здесь нет приговора.

Больше того, из этого закона нельзя выйти. У нас нет даже предупреждения о том, что с завтрашнего дня ты становишься иностранным агентом. Для многих, безусловно, это [значит] врагом Родины. Я помню по своей службе [в армии], что всё-

таки в уставе караульной службы сначала часовой делает предупредительный выстрел вверх, а без предупредительного выстрела стреляет только, извините, конвой в лагере.

Мне кажется, что нам нужно с этим разобраться. Там же есть такие размытые критерии. Например, получение организационно-методической помощи. Это что означает? Вот я беру сейчас у кого-то из членов Валдайского клуба комментарий, если он представитель другой страны, и мы иноагенты? По пятницам они это объявляют. Я хочу напомнить, что завтра как раз пятница.

Хочу Вас попросить отреагировать на такую постановку вопроса, и, может быть, Вы, Владимир Владимирович, вместе, например, с Председателем Государственной Думы проведёте внеочередную встречу с редакторами разных медиа, для того чтобы мы смогли обсудить вопросы, которые назрели.

Большое Вам спасибо.

В.Путин: Во-первых, я хочу Вас поздравить с присуждением Нобелевской премии. Обращаю Ваше внимание, что Николай Бердяев, о котором я сказал, был выслан большевиками на известном «философском» пароходе в 1922 году, и неоднократно его кандидатура подавалась в Нобелевский комитет для присуждения ему премии. Но ему так и не присудили Нобелевскую премию.

Д.Муратов: В области литературы он был.

В.Путин: Какая разница, хотя да, согласен. Премия мира была и у первого Президента Советского Союза Михаила Горбачёва, и у Барака Обамы. Так что у вас хорошая компания, и я вас поздравляю. Но действительно мы знаем.

Вот Вы сейчас про хоспис говорили. Я бы Вам за это дал премию, потому что Вы занимаетесь такой благородной работой. Благородной, это правда, «Круг добра», и так далее.

Ваша озабоченность по поводу иноагентов. Я не буду влево-вправо уходить. Смотрите, Вы сказали, что здесь, когда принимаются эти решения... Во-первых, американские законы. Надо ли нам всё у американцев копировать? Всё не надо. Но у нас многие в России люди либеральных взглядов тем не менее призывают копировать почти всё. Но я с Вами согласен: всё не надо.

Вы сказали о том, что это не через суд решается. А в Штатах тоже не через суд, там в Минюст вызывают. Вон спросите у Russia Today, что там творят. Знаете, как жёстко? Там до уголовной ответственности. У нас такого нет. И дело не в позиции того или иного общественного деятеля либо той или иной общественной организации, либо средства массовой информации. Дело не в их позиции. Этот закон не запрещает иметь своё собственное мнение по какому-либо вопросу. Этот закон связан с получением финансовой поддержки из-за рубежа в ходе внутривнутриполитической деятельности – вот о чём речь. Этот закон даже не запрещает дальше проводить эту политическую деятельность. Просто эти деньги, которые получаются из-за кордона, из-за бугра, должны быть окрашены, и российское общество должно знать, что человек такую-то позицию формулирует, так-то он относится к внутривнутриполитическим процессам или ещё к каким-то, но он получает деньги из-за границы. Это право российского общества. По сути, у нас к этому всё и сводится. Там ограничителей никаких нет.

Поэтому, когда Вы сказали, что нет приговора, – так его и нет действительно. С миледи был приговор – ей голову отрубили. А здесь никто ничего не рубит. Как работали дальше, так и работайте.

Но в чём Вы правы? Я даже спорить с Вами не буду, потому что это правда. Конечно, наверное, нужно ещё раз и ещё раз, это я Вам обещаю, мы посмотрим ещё раз эти размытые критерии. Часто-нечасто, но я знаю, бывает, и мне даже мои личные знакомые говорили, что они занимаются тем-то, такой-то благотворительной деятельностью, а их подводят уже к тому, что они иноагенты. Знаю, и на Совете по правам человека об этом тоже коллеги говорят. Я постоянно даю такие поручения в Администрацию Президента и депутатам Госдумы, чтобы возвращались, совершенствовали этот инструмент и ни в коем случае не злоупотребляли им.

Так что за то, что Вы ещё раз на это обратили внимание, спасибо. Мы этим займёмся.

Вам спасибо большое.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, вдогонку: а Вы не боитесь того, что называется эксцессом исполнителя?

В.Путин: Ничего я не боюсь, что Вы меня всё пугаете?

Ф.Лукьянов: Хорошо, тогда мы боимся, а Вы нам скажите. Вот эксцесс исполнителя, Вы же своих бывших коллег по службе безопасности хорошо знаете.

В.Путин: Не всех, это массовая организация, что, я каждого знаю, что ли?

Ф.Лукьянов: Ну не каждого, но многих.

В.Путин: Вот когда я был директором [ФСБ], я иногда вызывал даже оперативных работников с конкретными делами и сам их читал. А сейчас я не знаю всех, я уже давно там не работаю.

Ф.Лукьянов: Вот про конкретные дела как раз. У них же психология совершенно естественная: лучше перебдеть, чем недобдеть. Вот ковровых не будет у нас агентов?

В.Путин: Что?

Ф.Лукьянов: Ковровым образом не будут агентов у нас определять?

В.Путин: Разве там что-то происходит ковровым образом? Посмотрите, сколько их у нас? Каждый второй, что ли? Массовой записи в иноагенты у нас, по-моему, и нет.

Мне кажется, опасность этого сильно преувеличена. Смысл появления этого закона я, по-моему, достаточно ясно сформулировал.

Ф.Лукьянов: Хорошо.

У нас не только нобелевский лауреат в зале сидит, но и иностранный агент тоже.

Маргарита Симоньян, поделитесь, пожалуйста, Вашим опытом.

М.Симоньян: Да, спасибо.

Добрый день!

Мы иноагенты уже много лет. Более того, у меня повестка на допрос в Соединённых Штатах Америки уже несколько лет за то, что мы не зарегистрировались иноагентами ранее, несмотря на то что все наши юристы, в том числе бывшие

довольно высокопоставленные сотрудники Минюста американского – Дима, это я, скорее, тебе рассказываю даже, поздравляю ещё раз с премией, – нас убеждали, и у нас есть письменно это всё, юридические заключения, что этот закон к нам не относится, потому что там было написано английским языком «кроме СМИ».

Но когда аудитория начала расти, и мы им стали мешать, они нам сказали: нас не волнует, что вам говорит Минюст, вы или регистрируйтесь, или садитесь на пять лет. И повестка у меня на допрос за то, что я сама не зарегистрировалась ранее, до того, как они меня зарегистрировали. Я туда больше не летаю на всякий случай, потому что, возможно, меня там посадят. Это первое.

В.Путин: От тюрьмы и от сумы, Маргарита, никто не отказывается.

(Обращаясь к Д.Муратову.) Видите, как в Штатах, «пятёрочка» ломится гражданам.

М.Симоньян: Да, «пятёрочка». И мы знаем людей, которые сидят по этому закону пять лет, получили эти сроки.

Второе. Этот закон в отличие от России определённо несёт последствия и санкции. Например, у тебя мгновенно отзывают аккредитацию в Конгресс, а когда у тебя нет в США аккредитации в Конгресс, ты не можешь больше ходить никуда, ни на какие мероприятия, нигде – вот качают головой люди, которые знают. Ты там фактически работаешь полуподпольно. Вот так мы работаем уже сколько? Шесть лет. И будем работать дальше.

Владимир Владимирович, я Вам хотела сказать как мать троих

маленьких детей большое спасибо за здоровый консерватизм. Потому что меня в леденящий ужас приводит мысль о том, что моему семилетнему сыну будут предлагать выбрать пол, а двухлетней дочери из всех мобильных устройств, а то ещё и в школе, как это сейчас происходит во многих странах на Западе, будут рассказывать, что она будущий «родивший человек с человеческим молоком». И что эти щупальца либерального фашизма, так называемого либерального, дотянутся до нас, до наших детей. Очень надеюсь, что это не будет позволено в нашей стране, несмотря на её большую открытость.

Вы сказали про болтовню, которой оказалась так называемая гуманистическая основа европейской политической мысли, но болтовнёй оказалась и свобода слова так называемая. Свобода слова оказалась такой открыткой, которая нарисована для таких, как мы были в 90-е, чтобы мы смотрели и думали: надо же, она существует, здорово, мы тоже будем так, иноагентов у нас не будет, всё у нас будет хорошо. Вот эта «свобода слова» задушила только что наш канал на YouTube, который был очень популярен, там круто всё было, правда. И Вы прекрасно знаете, что это не наша частная лавочка, это государственный проект, который мы делали не для себя, а для Родины, и мы исчерпали возможности этот проект вернуть. И мы больше не верим ни во что, кроме реципрокальных мер.

Deutsche Welle, которая по их собственным выкладкам в определённых рейтингах от нас отставала в Германии, спокойно вещает в России. Мы там вещать не можем. То, что уже сделано: уже построены студии, наняты люди, выпущены

шоу, уже заработана аудитория – сейчас одним росчерком пера ни за что ни про что – без суда, Дима, без приговора – в одну секунду, без каких бы то ни было оснований оказалось разрушено.

Это не вопрос мой, а огромная просьба, Владимир Владимирович, нас защитить. И я не вижу другой защиты, кроме ответных мер.

А вопрос следующий. Сейчас проходил Конгресс соотечественников в Москве, Вы приветственный адрес направляли. Я там тоже выступала и попросила коллег, которые сидели в зале, а это люди, которые деятельно защищают русский мир, русский язык в разных странах мира, иногда рискуя своей жизнью и свободой да и кровью.

И я попросила поднять руки тех из них, кто хочет, но не может получить российское гражданство. И руки подняли ползала.

Мы много об этом говорим. Помните, несколько лет назад мы говорили про гражданство для жителей Донбасса. Теперь действительно его получение очень облегчено. Но всё-таки нельзя ли его облегчить для всех русских? Почему Россия стесняется это делать? Евреи не стеснялись, немцы не стеснялись, греки не стеснялись, а мы как будто стесняемся. Это вопрос.

Спасибо большое.

В.Путин: Первое. Что касается ответных мер, всё-таки, я думаю, нужно быть аккуратными. Если кто-то где-то совершает ошибки подобного рода, а я считаю, что это ошибка в отношении вас, когда происходит закрытие, по сути, канала или создание условий, при которых невозможно почти

работать. Я знаю по поводу закрытия счетов и неоткрытия и так далее. Там масса, просто очень много инструментов.

М.Симоньян: Ковровая бомбардировка на самом деле.

В.Путин: Да, для того чтобы не дать работать. Я знаю.

С одной стороны, конечно, они там ущемляют свободу слова и так далее – это плохо. Но то, что они это делают, в известной степени нам и вам нужно подумать, пошире подавать информацию, что вас запрещают, – интерес к вам будет возрастать.

М.Симоньян: Только смотреть нас негде. Интерес есть, а смотреть негде.

В.Путин: Понимаю. Надо подумать над этим. Подумать над техническими, технологическими возможностями.

Что касается ответных мер, повторяю ещё раз, главное, чтобы они не были контрпродуктивными для нас. Я не против, просто не хочу, чтобы они были контрпродуктивными.

Теперь по поводу российского гражданства. Вы правы. Моя позиция заключается в том, что нужно совершенствовать этот инструмент. Здесь есть вопросы, связанные с социально-экономическими составляющими этого процесса: поликлиники, детские сады, рабочие места и так далее, жильё. Но тем не менее всё-таки законодательство о гражданстве должно быть у нас более либеральным. Это совершенно очевидно. Кстати говоря, это и требование рынка труда. Так что мы думаем над этим.

М.Симоньян: Спасибо, Владимир Владимирович.

В.Путин: Спасибо Вам.

Ф.Лукиянов: Коллеги, у нас помимо тех, кто в зале, есть ещё участники, которые смотрят нас, но не смогли прибыть из-за известных обстоятельств.

Я хотел бы попросить – Роберт Легвольд, наш давний товарищ, член научного совета «Валдай», профессор Колумбийского университета.

Р.Легвольд *(как переведено)*: Благодарю, Фёдор.

Я очень сожалею, что не могу присутствовать на этой конференции лично и видеть всех участников, но мне очень приятно, что я смог присоединиться к этой сессии. Тема сегодняшних обсуждений задаёт фундаментальные вопросы, и я очень рад этому.

Господин Президент Путин очень мудро посмотрел на вопросы, поставленные в повестке.

Прошу прощения, что опускаюсь на этот уровень, но для меня, для нашей страны, он имеет большое значение. Итак, поскольку ни ваше Правительство, ни администрация Байдена не считает, что перезапуск отношений возможен на данном этапе, как Вы оцениваете эволюцию отношений после Вашей встречи с Президентом Джо Байденом в июне? В каких областях есть прогресс, если он есть, и каковы, на Ваш взгляд, основные препятствия на пути дальнейшего прогресса?

Спасибо.

В.Путин: Я в целом уже говорил, отвечал на вопросы подобного рода. Могу только повториться. Хотя нет, не только же повториться, есть о чём можно сказать по поводу

того, что происходит.

Встреча в Женеве была продуктивной в целом, и нам показалось – когда говорю «нам», имею в виду и своих коллег, – что в целом администрация нацелена на то, чтобы выстраивать отношения, возрождать их хоть как-то по каким-то важнейшим направлениям.

О чём мы тогда договорились? О начале консультаций по вопросам стратегической стабильности. И эти консультации начались, они идут. И по вопросам кибербезопасности. На экспертном уровне и это началось. Поэтому можно смело констатировать, хотя набор вопросов, о которых мы договорились, небольшой, но всё-таки мы на правильном пути.

Это важнейшие вопросы сегодняшнего дня. И, в общем, администрация с американской стороны и Россия с другой стороны выполняют намеченные планы и двигаются по этому пути. А это, как мы знаем, всегда сигнал, это сигнал системного характера. И вот смотрите, у нас уже на 23 процента вырос товарооборот, причём по очень многим позициям. Это косвенное влияние в том числе и нашей встречи в Женеве.

Так что в целом мы на правильном пути, хотя, к сожалению, сейчас не буду говорить о грустном, но мы видим и определённые регрессы, как в своё время у нас говорили, шаг вперёд, два шага назад – такое тоже бывает. Но всё-таки по генеральным договорённостям мы двигаемся.

Ф.Лукиянов: Спасибо.

Для баланса, коль скоро мир у нас теперь новый, у нас есть

участник из Китая – наш добрый товарищ Чжоу Бо из университета Цинхуа в Пекине.

Пожалуйста.

Чжоу Бо (*как переведено*): Господин Президент, для меня большая честь задавать Вам вопрос. В первую очередь хотел бы поблагодарить Вас за возможность задать Вам вопрос.

Хотел бы задать вопрос об Афганистане и конкретно о том, что в Шанхайской организации сотрудничества обсуждается этот вопрос. У ШОС есть определённая проблема.

Американцы вывели свои войска из Афганистана, и теперь ШОС, во главе которой стоят Россия и Китай, а также другие страны, может помочь Афганистану достичь политической стабильности, а также экономического развития.

Спасибо.

В.Путин: Это вопрос один из самых острых на сегодняшний день – ситуация в Афганистане. Вы знаете, что у нас в соответствующем формате сейчас как раз прошла встреча в том числе с представителями движения «Талибан».

Китайская Народная Республика работает тоже на афганском направлении достаточно активно. Для нас всех это имеет очень серьёзное значение, потому что и для Китая, и для России чрезвычайно важно иметь если не на своих границах, то рядом с нашими национальными границами спокойный, развивающийся Афганистан, который не является источником терроризма, радикализма всякого рода.

Мы сейчас видим, что происходит внутри Афганистана.

К сожалению, там сохраняется присутствие группировок, в том

числе ИГИЛ, есть уже жертвы среди движения «Талибан», которое в целом – мы видим эти примеры – старается как-то всё-таки избавиться от этих радикальных элементов. Для нас – и для России, и для Китая – очень важно.

Для того чтобы нормализация ситуации происходила должным образом и нужными темпами, конечно, нужно помогать Афганистану восстанавливать экономику, потому что другая важная проблема – это наркотики: 90 процентов опиатов, как известно, на мировой рынок поступает именно из Афганистана. А если денег не будет – куда им деваться? Откуда и как они будут финансировать социальные вопросы?

Поэтому всё-таки при всей важности нашего участия в этих процессах – и Китая, и России, и других стран Шанхайской организации сотрудничества – всё-таки основную ответственность за то, что там происходит, несут те страны, которые там воевали 20 лет. И первое, что они должны были бы сделать, на мой взгляд, – нужно разморозить афганские авуары и дать возможность Афганистану решать социально-экономические задачи первостепенной важности.

А мы со своей стороны – там есть и конкретные крупные проекты, которые можно реализовывать, есть и вопросы, связанные с обеспечением внутренней безопасности, наши специальные службы в контакте находятся с соответствующими структурами в Афганистане. И для нас в рамках Шанхайской организации сотрудничества очень важно наладить эту работу, потому что Таджикистан, Узбекистан находятся прямо на границе с Афганистаном. В Таджикистане находится наша военная база, созданная на основе 201-й дивизии, ещё советской.

Поэтому мы и в двустороннем плане с Китаем будем продолжать активно эту работу, и между соответствующими структурами налаживать диалог, и в целом в рамках Шанхайской организации сотрудничества будем это делать, выделяя необходимые ресурсы и создавая все условия для того, чтобы наши граждане, граждане наших стран чувствовали себя в безопасности вне зависимости от того, что происходит в Афганистане.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Михаил Погребинский.

М.Погребинский: Спасибо, Фёдор. Спасибо, Владимир Владимирович.

Я попытаюсь задать вопрос, ответ на который ожидают, уверен, сотни тысяч людей у меня на Родине.

Вы упомянули китайскую пословицу о том, что плохо жить в эпоху перемен. Наша страна живёт уже чуть ли не 30 лет в эту эпоху, и сейчас ситуация становится всё более тяжёлой: и в ожидании зимы, и с ковидом, и, я бы сказал, с американцами. У нас был пару дней назад Министр обороны Ллойд Остин, который привёз на 60 миллионов долларов оружия и пообещал натовское светлое будущее, образно говоря.

Я тут сразу замечу, что разговоры о том, что НАТО неактуально, поскольку Европа не соглашается, – это всё, мне кажется, от лукавого. Необязательно быть членом НАТО, чтобы размещать американскую, британскую военную инфраструктуру на территории Украины. Я считаю, что этот процесс фактически уже начался.

В своей июльской статье об историческом единстве Вы писали о том, что превращение Украины в анти-Россию неприемлемо для миллионов людей. Это правда, опросы общественного мнения это подтверждают – более 40 процентов вообще хорошо или очень хорошо относятся к России. И это превращение фактически начинается. Может быть, уже пройден довольно большой путь в этом направлении, очень опасный, на мой взгляд. И мне кажется, что если эта история с околонатовской инфраструктурой будет реализовываться и дальше, то тогда процесс формирования из пока ещё не очень стабильной анти-России в Украине будет зацементирован на долгие годы.

Вы в своей статье написали, что если процесс будет двигаться, то это представляет серьёзную угрозу для Российского государства, и это может быть чревато вообще потерей украинской государственности. Люди, которые выступают против этого движения, подвергаются репрессиям. Вы знаете Виктора Медведчука, которого стараются посадить в тюрьму из-за каких-то бредовых претензий.

Как в этой ситуации, Вы видите, может быть остановлен этот процесс? Может быть, представляете себе, какие временные сроки для этого могут быть? И что вообще можно сделать?

Спасибо.

В.Путин: Я, к сожалению, наверное, Вас разочарую – я не знаю пока ответа на этот вопрос. Конечно, он, с одной стороны, лежит на поверхности, а именно: самое простое – сказать, что украинский народ сам должен принять решение, сформировать такие органы власти и управления, которые

отвечали бы его чаяниям, ожиданиям. Да, с одной стороны, так.

Но, с другой стороны, – а она есть, и я не могу об этом не сказать. Вы упомянули сейчас про Виктора Медведчука, его пытаются привлечь к уголовной ответственности за государственную измену. За что? Он что, украл какие-то секреты, тайно их передал? Нет. А за что? За его открытую политическую позицию, направленную на стабилизацию внутривнутриполитической ситуации в стране и на выстраивание отношений с соседями, с которыми отношения крайне важны для самой Украины. Что беспокоит – что этим людям голову не дают поднять. Кого-то просто убивают прямо на улицах, а кого-то изолируют. То есть складывается впечатление, что легальными способами украинскому народу не дают и не дадут сформировать такие органы власти, которые бы отвечали напрямую интересам украинского народа. Ведь люди даже боятся отвечать на опросы социологические. Боятся, потому что небольшая группа людей, которая присвоила себе, по сути, лавры победителей в борьбе за независимость, – это люди крайних политических взглядов. Они на самом деле и руководят Украиной, вне зависимости от того, какова фамилия главы государства.

Потому что до сих пор, во всяком случае, было: приходили руководители страны, опираясь на избирателей Юго-Востока, а потом почти сразу меняли свои политические позиции в прямо противоположную сторону. Почему? А потому что то молчаливое большинство за них голосовало в надежде на то, что будут исполняться данные предвыборные обещания, но немолчаливое агрессивное меньшинство

националистическое подавляло всяческую свободу принятия ожидаемых населением Украины решений, и, по сути, они и руководят страной.

Это такой тупик. Я вообще не очень понимаю, как из него можно выйти. Посмотрим, что будет происходить на внутривластной сцене Украины в ближайшее время.

Мы со своей стороны делаем всё, что от нас зависит, для того чтобы эти отношения выстроить. Но та угроза, о которой Вы сейчас сказали, – не сказали, а просто упомянули об этом, – она для нас имеет существенное значение. И Вы правы, конечно, когда говорите, что формальное членство в НАТО может не состояться, а военное освоение территории уже идёт, и это реально создаёт угрозу для Российской Федерации, мы отдаём себе в этом отчёт.

Смотрите, что происходило в конце 1980-х – в начале 1990-х годов (я сейчас не буду воспроизводить, хотя Вы сейчас меня натолкнули на мысль о том, что надо бы об этом сказать), когда со всех сторон говорили о том, что после объединения той же Германии ни в коем случае движения с Запада инфраструктуры НАТО не будет. Хотя бы в этом Россия должна была быть уверена, так говорили. Но это же публичные заявления были. Что на практике? Обманули. А теперь нам говорят: а где на бумажке, покажите?

И раз расширили, и два расширили НАТО. Какие последствия военно-стратегические? Инфраструктура приближается. Что такое инфраструктура? Вон в Польше и Румынии установили системы ПРО (противоракетной обороны), но с пусковыми установками «Иджис», на которые можно разместить

«Томагавки», ударные системы, и сделать это легко, по щелчку. Только программное обеспечение нужно поменять – и всё, этого даже никто не заметит. Там же могут быть размещены и ракеты средней и меньшей дальности. Почему нет? Разве кто-то отреагировал на наше заявление о том, что мы не будем размещать в европейской части ракеты подобного рода, если мы их произведём, но пусть нам скажут, что этого никто не будет делать со стороны Соединённых Штатов и Европы. Нет ведь! Не отвечают! Но мы же взрослые люди, здесь все взрослые люди сидят. Нам-то что делать в этой ситуации?

Приехал Министр обороны, который, по сути, открывает двери Украине в НАТО. По сути, его заявление нужно и можно именно так трактовать. Он говорит, что каждая страна имеет право выбирать. Никто не говорит «нет», никто. Даже те европейцы, о которых Вы сказали. Я знаю, я же с ними лично разговариваю.

Но сегодня какой-то деятель есть, а завтра его уже и нет, кто-то другой приходит на его место. И что? Это же не гарантии безопасности для России. Это просто разговор на заданную тему. И конечно, нас это беспокоит.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, раз уж про НАТО заговорили...

В.Путин: Да, извините. Что касается баз. Я знаю соответствующие конституционные положения Украины. Но учебные центры никто не запрещает иметь. А под маркой учебных центров можно всё что угодно разместить. Как я уже говорил, это было, тоже публично звучало: завтра под

Харьковом ракеты появятся – что нам делать-то с этим?

Не мы же туда лезем со своими ракетами – к нам под нос их засовывают. Конечно, это проблема.

Ф.Лукьянов: Про НАТО заговорили. Генсек НАТО Столтенберг буквально два дня назад интервью дал, где сказал, что НАТО несколько корректирует свою стратегическую картину, и теперь Россия и Китай рассматриваются не как две угрозы, а как одна общая угроза. Это интересный подход такой, далеко идущий, видимо. Но, раз уж они так нас видят, может быть, нам тоже с Китаем пора уже объединиться и кого-нибудь как угрозу рассмотреть?

В.Путин: Мы много раз говорили об этом: мы дружим с Китаем не против кого-то, а в интересах друг друга – первое. Второе: в отличие от НАТО, от стран НАТО, мы не создаём никакого замкнутого военного блока. Нет же военного блока Россия – Китай, и у нас нет такой цели сейчас его создавать. Поэтому разговор на этот счёт не имеет под собой никаких оснований.

Ф.Лукьянов: Понятно.

Марк Чемпион.

М.Чемпион *(как переведено)*: Спасибо большое, господин Президент.

По вопросу направления дополнительных объёмов газа в Европу.

Вы уже говорили о газовом кризисе в Европе, однако иногда это вызывает недоумение. Иногда российские представители говорят, что есть дополнительные объёмы, которые могут быть направлены, если будет открыт «Северный поток – 2»,

а иногда говорится о том, что вообще нет дополнительного газа, который мог бы быть направлен в Европу.

Я хотел бы попросить Вас: возможно, Вы могли бы уточнить, есть ли дополнительные объёмы газа, которые Россия могла бы направить в Европу, если откроется «Северный поток – 2», или такого дополнительного газа нет?

В.Путин: Честно Вам скажу, мне как-то даже странно слышать такие вопросы. Мне казалось, что я в ходе ответов на вопросы на Российской энергетической неделе в Москве всё сказал. Но, тем не менее, если они возникают, надо, конечно, на эту тему поговорить ещё.

Смотрите, что происходит. Я, по-моему, вчера или позавчера на встрече с Правительством говорил: дело ведь не только в энергоносителях и в газе, дело в состоянии мировой экономики. Вот в ведущих странах, экономически развитых странах мира дефициты растут. Те же Штаты возьмите: очередное решение было недавно принято по повышению государственного долга.

Для тех людей, которые экономикой не занимаются, я могу сказать, что такое решение о повышении государственного долга. ФРС печатает деньги и даёт в распоряжение правительству – вот что это такое, это эмиссия. Дефицит растёт – инфляция растёт от эмиссии как производная. Как производная от этого – рост цен на энергоносители, на электроэнергию. Не наоборот, а именно вот такая последовательность.

Но ситуация усугубляется ещё и реалиями на энергетическом рынке. Каковы эти реалии? Вы сейчас про Европу сказали.

Что в Европе? Я повторюсь в некоторых своих тезисах, кое-что, может быть, вновь сейчас скажу, если вспомню. Вся философия Еврокомиссии последних лет была направлена на регулирование рынка энергоносителей, в том числе газа, через биржу, через спот так называемый. И нас убеждали в необходимости отказываться от так называемых долгосрочных контрактов, цены в которых привязаны к биржевым, кстати говоря, к рыночным котировкам на сырую нефть и на нефтепродукты.

Кстати говоря, это же рыночное ценообразование. И поскольку цены на газ формируются с лагом в шесть месяцев после изменения цен на нефть, то это, во-первых, более стабильная ситуация, а во-вторых, через шесть месяцев – это значит, что потребители и поставщики могут сориентироваться по ходу дела в том, что происходит на мировых рынках.

Так вот, всё начали сводить к споту, а на споте в значительной степени это не реальный газ, не физические объёмы, которые не увеличиваются (сейчас скажу ещё, почему), а «бумажный» газ. На бумажке написано, а физических объёмов-то нет, они сокращаются. Значит, холодная зима – подъём из ПХГ (из подземных хранилищ газа); безветренное и жаркое лето – отсутствие ветряной генерации в должном объёме.

Макроэкономические причины я уже упомянул, чисто отраслевые – вот они.

Дальше что происходит на европейском рынке? Во-первых, падающая добыча в газодобывающих странах. Добыча упала в Европе за первое полугодие на 22,5 миллиарда кубических метров – первое. Второе: недозакачали 18,5 миллиарда кубических метров в газовые хранилища, 71 процент закачан.

Недокачали 18,5 за первое полугодие. Если посмотреть на год вперёд потребность, надо умножить на два.

9 миллиардов кубических метров американские прежде всего, но и ближневосточные компании сняли с европейского рынка и перенаправили их в Латинскую Америку и в Азию.

Кстати говоря, когда формулировали европейцы принципы, по которым должен формироваться рынок газа в Европе, и говорили о том, что всё на спот надо направлять, они же ведь исходили из того, что это премиальный рынок.

А европейский рынок премиальным не оказывается сегодня, понимаете? Он не премиальный. В Латинскую Америку и в Азию [перенаправили газ].

Я уже сказал, что 18,5 [миллиарда кубических метров], плюс на два умножить, минус 9 миллиардов (недопоставка на европейский рынок американцами и с Ближнего Востока), плюс падающая добыча 22,5 миллиарда – дефицит на европейском рынке может составить около 70 миллиардов кубических метров, это много. При чём здесь Россия-то? Это рукотворный результат экономической политики Еврокомиссии. Россия здесь вообще ни при чём.

Россия, в том числе «Газпром», увеличила поставки на европейский рынок. «Газпром» в целом – на 8,7, по-моему, процента, а вообще в так называемое дальнее зарубежье – на 12 процентов, по-моему. Но когда мы говорим про дальнее зарубежье, имеется в виду и Китай. Это тоже на пользу мировому рынку, потому что мы увеличиваем поставки на мировой рынок, и на европейский на 8,7 увеличили. В абсолютных величинах это 11 с лишним миллиардов кубических метров газа. Американцы и [компании] с Ближнего

Востока недопоставили 9 миллиардов, а «Газпром» увеличил на 11 с лишним.

Меня все хорошо слышат или нет? Не в этом зале я имею в виду, а так называемые заинтересованные лица. Вам кто-то там сокращает, а мы увеличиваем.

Но и это ещё не всё. Сегодня по так называемым долгосрочным контрактам – я прошу вас внимательно слушать и хочу, чтобы вы услышали: 1200 или 1150 долларов за тысячу «кубов» – те европейские компании, которые получают от «Газпрома» газ по долгосрочным контрактам, получают его – внимание – в четыре раза дешевле. Не на какие-то проценты – в четыре раза! И «Газпром» сверхприбыли не получает. Мы не плачем по этому поводу, потому что мы заинтересованы в долгосрочных контрактах и в долгосрочных взаимных обязательствах, и тогда мы обеспечиваем возможность инвестирования в добычу и обеспечиваем необходимые объёмы для наших потребителей стабильно и надёжно.

Вы спрашиваете: возможно ли увеличение? Да, возможно. По «Северному потоку – 2», а первая труба «Северного потока – 2» заполнена газом, если завтра немецкий регулятор даст разрешение на поставку, послезавтра начнётся поставка – 17,5 миллиарда кубических метров.

До конца текущего года, в середине – в конце декабря, будет завершена технологическая работа по заполнению второй газовой трубы «Северного потока – 2». В общем объёме это 55 миллиардов кубических метров. Если иметь в виду, что дефицит на европейском рынке, по нашим подсчётам,

составит 70 [миллиардов кубических метров], 55 – это прилично.

Как только вторая труба будет заполнена и как только будет получено разрешение немецкого регулятора, на следующий день мы начнём поставки. «Возможно это или нет?» – Вы спросили. Да, возможно, но нужно ответственно подходить к взаимным обязательствам и работать над этим.

Кстати говоря, мы говорим: «Северный поток – 2», «Газпром»... Там пять европейских компаний-участниц, почему «Газпром» только? Вы что, подзабыли, что ли? Пять европейских крупнейших компаний работают в рамках этого проекта. Так что это не только интересы «Газпрома», это интересы наших партнёров, и прежде всего, конечно, европейских.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, «Северный поток – 2», к которому все сейчас обращаются, – это в некоторой степени ваше совместное достижение с Ангелой Меркель. Вам не жалко, что она уходит? Не будете скучать по ней?

В.Путин: Это не моё же решение, а её, что она уходит. Она могла бы ещё баллотироваться. Она 16 лет была у власти.

Ф.Лукьянов: Это просто ничто.

В.Путин: Ну, почему ничто? Это прилично. [Гельмут] Коль тоже был 16 лет у власти – объединитель Германии.

Но что касается «Северных потоков», то мы начали этот процесс ещё со Шрёдером. И тогда, когда мы осуществляли проект «Северный поток – 1», было все то же самое по противодействию его реализации, как сегодня. Всё было

то же самое. Но сегодня, слава богу, Европа и Германия получают по этому направлению, и получают немало.

Кстати говоря, мы всё время говорим про «зелёную» энергетику. Да, это важно, конечно. Сейчас, если вопросы будут, я постараюсь ещё сформулировать своё отношение к этому делу. Но наш газ, его углеродная составляющая – тоже прошу внимания – в три раза меньше, чем у американского сжиженного природного газа. Если экологи у нас не записные, не политические, а именно заботящиеся о будущем человечества, они не могут же этого не слышать. Так, по большому счету, они должны потребовать не строительства, а закрытия всех терминалов по приёму сжиженного природного газа.

Кстати говоря, то же самое, к сожалению, касается ГТС Украины. Я уже говорил, «Северный поток – 2» – это современные технологии, современные трубы, которые позволяют увеличить давление. Движение газа по дну Балтийского моря вообще без всяких выбросов происходит. Эти компрессорные станции – это же мини-заводы, которые работают тоже на газе, и они тоже в атмосферу CO₂ выбрасывают. Так в 5,6 раза выбросов меньше, чем при транзитировании через ГТС Украины, потому что она просто старенькая уже, с советских времен. Экологи должны были сказать: «Закрыть немедленно транзит через Украину!» Нет, всё наоборот: «Увеличить». Ну что это такое?

Ведь, смотрите, то же самое происходит в нефти. Бог с ним, с газом, я сейчас, мне кажется, достаточно подробно рассказал. В нефти что происходит? С 2012-го, по-моему,

по 2016 год, примерно в этот период времени, инвестиции в нефтедобычу составляли примерно 400 миллиардов долларов в год, а в последние годы, ещё в допандемийный период, они сократились на 40 процентов и составляют сегодня 260. А это же цикл от 15 до 30 лет, Вы понимаете?

На мой взгляд, в чём ещё проблема сегодняшнего дня? Я говорил про всякие политические составляющие. Это важная вещь, которая мне в голову сейчас приходит. Политические циклы в ведущих экономиках не совпадают с инвестиционными циклами, в том числе в такой важнейшей отрасли, как энергетика. Политический цикл какой? Четыре-пять лет. Что в это время делают ведущие политические силы, партии и отдельные политические деятели? Обещают. Обещают всё подряд, и как можно больше и подешевле. Это связано в том числе и с «зелёной» энергетикой. А результат какой? Банки перестают кредитовать инвестиции, инвестиции сокращаются. Подойдёт момент, похожий на сегодняшнюю ситуацию, когда рынок будет требовать, а просто неоткуда будет взять. Даже сегодня страны «ОПЕК плюс» наращивают объёмы добычи, даже чуть больше, чем договорились это делать, но это могут сделать не все, далеко не все нефтедобывающие страны в состоянии быстро нарастить добычу. Это процесс долгосрочный, цикл большой.

Ф.Лукиянов: Рагида Дергам, пожалуйста.

Р.Дергам (как переведено): Благодарю, Фёдор. Благодарю, господин Президент!

Очень рада видеть Вас сегодня здесь, в Сочи.

Меня зову Рагида Дергам, я основатель и исполнительный

председатель Бейрутского института. Я приехала в Сочи из Ливана – многострадальной страны. Вы знаете о взрыве, который произошёл в порту Бейрута, гражданском порту. Была попытка провести расследование того, что произошло. Был российский капитан судна.

Прошу Вас, господин Президент, и запрос был послан судебной системой нашей страны поделиться с нами информацией, а именно спутниковыми изображениями, для того чтобы мы смогли разобраться с этой ужасной историей, которая привела практически к уничтожению столицы. Вы готовы сейчас поделиться информацией, а именно спутниковыми снимками, для того чтобы начать сотрудничать в рамках этого расследования? Потому что ценности, о которых Вы говорили, имеют значение в этом случае.

Второй вопрос о «Хезболле» и Иране. Сейчас пытаются сместить судью, который проводил расследование дела, и «Хезболла» предупредила этого судью. Это был, по сути, друг Мишеля Ауна и Премьер-министра Микати. Итак, если судью-расследователя не сместят с поста, правительство падёт. Вы поддерживаете эту позицию, учитывая, что страна находится на грани гражданской войны? Говорят о том, что уже 100 тысяч человек, солдат, готовы, приведены в боевую готовность, и может начаться война. Это так или иначе связано с ситуацией в Сирии.

В.Путин: Прошу прощения, подождите. Поясните, пожалуйста, о начале какой войны Вы говорите? Я не понимаю.

Р.Дергам: Гражданской войны, потому что вооружённые люди вышли на улицы.

Вы помните гражданскую войну в Ливане, и «Хезболла» – это не единственная вооружённая группировка, я не говорю о том, что она единственная, очень много вооружённых группировок в стране сейчас.

Следователя зовут Тарек Битар, и «Хезболла» хочет, чтобы его сместили, и хочет, чтобы вмешались в этот процесс разделения полномочий. И это приводит к конфронтации на улицах, к возможности начала гражданской войны. Мы не должны списывать со счетов эту возможность, мы должны учитывать её. И, может быть, Россия тоже заинтересована в решении этой проблемы, потому что это касается и сирийской проблемы, учитывая те ценности, о которых Вы сегодня говорили.

В.Путин: Первое. Что касается взрыва в порту Бейрута.

Честно говоря, когда эта трагедия случилась – я хочу ещё раз принести свои соболезнования ливанскому народу в связи с этим, много погибших, ущерб колоссальный, – я узнал об этом, конечно, из средств массовой информации.

Много лет назад завезли селитру, разгрузили в порту, и, к сожалению, местные власти этим не занимались, при желании, насколько я понимаю, выгодно продать. И желание выгодно продать вступило в противоречие с возможностями это сделать, с рынком и с какими-то внутренними противоречиями, связанными с тем, кто может прибыль от этого получить и так далее. На мой взгляд, в основном с этим связана трагедия, вот и всё.

Если мы можем помочь в расследовании... Честно говоря, я не очень понимаю, как могут помочь какие-то космические

снимки, есть ли они у нас? Но я обещаю вам: конечно, я наведу справки, и, если это у нас есть и мы в состоянии оказать содействие в расследовании, мы это сделаем. Мне сначала нужно переговорить с коллегами, которые могут располагать такой информацией.

Теперь что касается «Хезболлы», Ирана и так далее, ситуации в Ливане. «Хезболла» – к ней разные люди в разных странах относятся по-разному, мне это хорошо известно. «Хезболла» является серьёзной политической силой в самом Ливане. Но, без всяких сомнений, мы выступаем всегда, в том числе применительно к Ливану, за разрешение любых конфликтов с помощью диалога. Мы, так или иначе, старались это делать всегда. Мы в контакте практически со всеми политическими силами в Ливане, и будем стараться это делать в будущем именно с тем, чтобы урегулировать ситуацию без всякого кровопролития. Не дай бог. Зачем? В этом никто не заинтересован. И так ситуация на Ближнем Востоке в последнее время на грани фола почти всегда находится. Конечно, мы будем всё делать для того, чтобы убедить все стороны внутривосточного процесса в том, что необходимо оставаться на платформе здравого смысла и стремиться к договорённостям.

Пожалуйста, возьмите микрофон.

Р.Дергам: Господин Президент!

Вы поддерживаете ультиматум, который был выдан «Хезболлой»? «Хезболла» говорит, что либо судья-следователь господин Битар должен уйти со своего поста или же правительство падёт. Вы поддерживаете этот

ультиматум, который «Хезболла» выдвинула?

В.Путин: Послушайте, уважаемая коллега, мы не можем комментировать какие-то внутривнутриполитические процессы, о которых Вы говорите, – поддерживаем мы ультиматум одной из сторон или не поддерживаем; поддерживаем ли мы позицию другой стороны. Это означало бы, что мы принимаем сторону одной из противоборствующих сторон, и это было бы контрпродуктивно с точки зрения возможной эффективности наших усилий по примирению. Поэтому позвольте мне воздержаться от этих комментариев. Повторяю: самое главное – в том, чтобы была найдена платформа, на базе которой можно было бы договориться, упаси боже, без всякой стрельбы. Мы, Россия, в этом точно заинтересованы.

Ф.Лукиянов: Прошу, Станислав Ткаченко.

С.Ткаченко: Спасибо большое.

Станислав Ткаченко, Санкт-Петербургский госуниверситет.

Владимир Владимирович, вопрос об энергетике. 13 октября нынешнего года Жозеп Боррель, глава Европейской службы внешнего действия, во-первых, обнародовал, во-вторых, направил в Еврокомиссию и Совет министров Европейского Союза Арктическую стратегию – новый документ Европейского союза, который рассматривает широкий спектр проблем, в том числе вопросы энергетике.

Я бы выделил два момента в этой стратегии. Во-первых, Европейский союз считает, что минеральные ресурсы, которые находятся в Арктическом регионе – нефть, газ и уголь, – должны оставаться в недрах этого региона, и для этого, возможно, даже придётся наложить временный мораторий.

И второй пункт связан с первым. Он касается того, что Европейский союз и страны-члены планируют разработать серию инструментов, финансовых и иных, для того чтобы заставить государства, которые, может быть, Российская Федерация прежде всего, потом будут реализовывать на мировом рынке энергетические ресурсы, чтобы использовать эти инструменты для того, чтобы не дать реализовывать ресурсы, добытые в Арктике.

Вопрос мой в том, как Россия к этому относится. Спасибо.

В.Путин: Да. Я, честно говоря, стараюсь следить за тем, что там происходит на европейской кухне, не всегда, как у нас в народе говорят, догоняю, что там происходит каждый день.

По поводу Арктической стратегии Евросоюза, что я могу сказать? У России есть своя стратегия нашего присутствия в Арктике – первое. Второе: мы достаточно продуктивно всегда работали и работаем, и председатели сейчас в Арктическом совете, где представлены тоже страны Евросоюза. Третье – мы всегда говорили об этом, и, кстати говоря, я говорил об этом и на встрече в Женеве с Президентом Байденом и с членами его команды: мы дальше готовы к продолжению нашего сотрудничества в широком смысле со всеми заинтересованными странами в Арктике на основе норм международного права.

Там несколько конвенций, как Вы знаете, – и по территориальному морю, и по морскому праву 1986 года, по-моему. Мы действуем на основе этих международно признанных документов, к которым мы присоединились, и мы готовы на базе этих документов выстраивать отношения

со всеми государствами мира, в том числе и с Евросоюзом.

Но если кто-то со стороны пытается в обход этих международно признанных документов ограничить наше суверенное право распоряжаться своей собственной территорией, а территориальное море по международному праву – это часть территории прибрежного государства, то это покушение с негодными средствами.

То же самое касается и четырёхсотмильной зоны, которая называется зоной преимущественного экономического освоения. Здесь есть правила, определённые международным правом, и мы полностью придерживаемся этих требований.

Кстати говоря, обратите внимание, сейчас мы говорили о «Северном потоке», мы в соответствии с этими правилами должны были получить соответствующие разрешения у прибрежных государств – у Финляндии, у Швеции, у Дании, – когда мы проходили даже не по их территориальному морю, а по исключительной экономической зоне этих государств. Это в соответствии с международным правом, мы подчиняемся этому праву, и от нас все, в том числе европейцы, требовали, чтобы мы действовали в рамках этих международно-правовых норм. А сами они что, не собираются их выполнять, что ли? От нас требуют выполнения, а сами не собираются выполнять? Этого не будет.

А если они хотят ограничить нашу деятельность, в том числе в энергетике, – это их право, пусть попробуют это сделать. Мы видим, что сейчас происходит на мировом, в том числе на европейском энергетическом рынке. Если они будут так действовать, безапелляционно и основываясь неизвестно

на чём, то тогда ни к чему хорошему это не приведёт.

Я вспоминаю, у нас сказка известная есть, русской аудитории известная, когда один из персонажей заставляет волка зимой хвостом ловить рыбу, а потом сидит рядышком и приговаривает про себя: «Мёрзни, мёрзни, волчий хвост». Если европейцы пойдут по этому пути, то они так и будут себя чувствовать, как эти известные персонажи в русской сказке.

Ф.Лукиянов: А волк кто здесь?

В.Путин: Это несложно, мне кажется.

Ф.Лукиянов: Я не понял, честно. Это Россия имеется в виду? Они заклинают, чтобы...

В.Путин: Волк тот, кто опустил хвост в прорубь зимой и пытается поймать там рыбку, в данном случае в мутной воде, – вот кто. Они и будут мёрзнуть. А как? Если будут ограничивать. Сейчас уже ограничивают инвестиции, я же сказал, инвестиционный период в нефтянке – 15–20, а то и 30 лет, а уже сейчас банки отказываются выдавать соответствующие кредитные ресурсы для реализации этих инвестиций. Вот вам, пожалуйста, – нехватка будет там в ближайшее время, и ничего с этим будет не поделать.

И понимаете, дело в том, что решения в этой сфере, в энергетике, к сожалению, принимаются в рамках политических циклов, о которых я уже упомянул, и принимаются не специалистами. Как коллега один сказал, не инженерами принимаются решения, а политиками, которые в этом мало что понимают, а просто обманывают, по сути дела, своих избирателей.

Всех пугает климатическая повестка, которая рисует нам очень тяжёлые перспективы, если мы не добьёмся снижения роста температур до доиндустриального, до [уровня] начала индустриализации. Да, мы знаем об этом, 1,5–2 градуса – критическая черта, мы знаем. Но надо делать это аккуратно, на основе серьёзного, глубокого анализа, а не на основе политических лозунгов. А мы в некоторых странах видим, что это происходит именно на основе политических лозунгов, которые являются неисполнимыми.

Но нам никто не запретит работать на своей территории так, как мы считаем нужным. Мы готовы договариваться со всеми, но надеемся, что это будет разговор профессиональный.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, Вы постоянно апеллируете и сейчас сказали про международное право, и вообще российская дипломатия к нему всё время обращается. Международное право – это же не скрижаль Моисеева, оно возникает как результат определённого баланса сил и интересов, потом меняется. Может, просто пришло время его корректировать?

В.Путин: Но оно всегда корректируется с опозданием, всегда, любое право, в том числе и международное. Общественные отношения, международные отношения развиваются быстрее, чем нормы права. Это известный постулат теории государства и права. Отношения развиваются быстрее, они требуют регулирования, и те, кто занимаются нормотворчеством, за этими изменениями, как правило, не успевают.

Но международное право – это совокупность международных норм. Это, кстати, не какие-то правила, которые кто-то себе

под одеялом нарисовал и думает, что все это будут исполнять. Это согласованные решения, если мы говорим о нормах публичного международного права, то есть это те нормы, которые регулируют отношения между государствами, это результат договорённостей: подписали, взяли на себя обязательства, – исполняйте. Но, кстати говоря, если иметь в виду, что во главу современного мироустройства поставлен суверенитет, то извините, если кто-то что-то не подписал, ни в коем случае нельзя ни от кого требовать исполнения того, что государство не берёт на себя. Это называется «попытка навязать чужую волю другим государствам». Чем быстрее мы уйдём от попыток внедрения в международную жизнь подобной практики, тем будет лучше, и мир будет спокойнее и стабильнее.

Ф.Лукиянов: У нас есть ещё один американский коллега – Кристиан Уитон из Центра национальных интересов США. Кристиан, пожалуйста.

К.Уитон (как переведено): Здравствуйте, Фёдор!

Спасибо большое за то, что предоставили мне возможность выступить. Я благодарю «Валдай» за организацию этой важной конференции.

Господин Президент, я очень ценю Ваши важные комментарии. Мне кажется, что ни один мировой лидер не говорил так много о культуре и её важности. Вы знаете, в Штатах, возможно, Ваши слова поддержал бы бывший президент Дональд Трамп. Не знаю, точно бы он поддержал Ваши слова, но он об этом в схожем ключе говорил.

Мой вопрос следующий. Есть много спекуляций относительно

того, что в 2024 году президент Трамп может снова выставить свою кандидатуру. Вы говорили об Ангеле Меркель. Что Вы думаете о втором президентстве Дональда Трампа?

В.Путин: А Вы бы за него проголосовали? (Смех.)

Не смешно! Чего же смешного? Помогите нам, пожалуйста. Вы бы проголосовали за Дональда Трампа как за будущего кандидата в президенты Соединённых Штатов Америки?

К.Уитон: Прошу прощения, я не понял, что это был вопрос мне. Да, я работал в администрации Трампа и в Госдепе.

В начале работы президента Трампа мне кажется, что он изменил понятие консерватизма, возможно, больше в соответствии с тем, что Вы говорили, когда Вы упоминали о здоровом консерватизме. Но в нашей системе, если вы второй срок приходите к власти, то вы уже как подстреленная, хромая утка.

Дело в том, что, с одной стороны, Администрация Трампа была не во всём эффективна, и были высокопоставленные политики, которые не были согласны с его политикой. Казалось, что власть президента не простиралась за пределы Белого дома. Конечно, мне хотелось бы, чтобы другие консерваторы, такие как Рон Десантис, губернатор Флориды, участвовали. Но если будет выбор между демократами и Трампом, я бы проголосовал за Трампа.

В.Путин: Уважаемый коллега, позвольте мне не высказывать свою точку зрения на этот счёт и никак не комментировать то, что Вы сказали, иначе Вас запишут в иноагенты. (Смех.)

Но сама идея, которую Вы сейчас сформулировали, мне

понятна.

Вам спасибо большое за участие.

Ф.Лукиянов: Анастасия Лихачёва.

А.Лихачёва: Спасибо.

Владимир Владимирович, Вы упомянули дефицит воды, проблемы продовольствия как очень актуальные вызовы. Как Вы считаете, какую созидательную роль Россия – вторая в мире страна по возобновляемым запасам пресной воды, располагающая уникальным озером Байкал и потрясающей исследовательской школой, крупный экспортёр продовольствия – могла бы делать в этом направлении в мире, а не только у себя дома? Спасибо.

В.Путин: Мы и делаем это уже сейчас и будем наращивать это делание. Сейчас объясню, в чём дело и с чем связаны озабоченности по поводу возможного продовольственного кризиса.

Я уже упоминал и на встрече с Правительством говорил совсем недавно, сейчас упомянул, о том, что есть системные сбои в мировой экономике. Они связаны с ростом дефицитов, с инфляцией – как результат, с прерыванием цепочек поставок. И дело не только в Суэцком канале, и не только в том, что водителей не хватает в Великобритании, чтобы бензин развозить, – в целом идёт определённый разрыв, и известную негативную роль в этом играет и COVID-19, к сожалению.

Но есть и другие причины. Всё это вместе к чему приводит? Смотрите, мы говорили о росте цен на энергоносители. Это,

в свою очередь, ведёт к росту цен на электроэнергию. У нас 20 евро, если в евро переводить, за мегаватт-час, в европейских странах – 300, больше трёхсот. Да, там и уровень доходов другой, но всё-таки разница уж слишком большая, очень большая.

И что делают некоторые правительства, а представители международных институтов говорят: «Правильно, молодцы, это хорошо». Что делают – сейчас думают на тему о том, чтобы субсидировать для граждан этот невероятный рост тарифов на электроэнергию. И вроде бы правильно – государство должно подставить плечо гражданам. Но это сиюминутное решение, потому что на следующем шаге граждане будут страдать.

Почему? Потому что объём первичного энергоносителя не увеличится, и значит, кто-то его недополучит. Граждане, просубсидированные домохозяйства не будут сокращать потребление, несмотря на страшилки по немецкому телевидению. Не будут, если их будут субсидировать. Зачем сокращать? Но объём-то не увеличится. А что это значит? Кто-то уменьшит потребление. Кто? Промышленность. Какая? Металлургическая. И сразу же за этим последует увеличение по цепочке всего, что связано с металлами. Это огромная цепочка – от автомобилей до заколок для галстука.

Второе. Уже закрываются предприятия, которые производят удобрения, основанные на природном газе. Уже закрываются сейчас. И есть основания полагать, что будет недополучение удобрений в почву. Результат? Снижение объёма продовольствия, предлагаемого на мировой рынок, и рост цен для граждан. И опять всё вернётся к тем же самым

гражданам, которым хотят как бы помочь.

Ну, вроде как, и правильно, но о другом надо думать. Надо думать о том, надо ли пытаться наложить ограничения на добычу, в том числе и в Арктике? Надо ли по политическим мотивам сдерживать открытие новых транспортных маршрутов, включая «Северный поток – 2»? Вот о чём надо думать. Надо думать о фундаментальных вещах.

Надо ли, имея в виду нарастающее количество рисков, неопределённости, всё только концентрировать на споте? Или нужно всё-таки, исходя из здравого смысла и необходимости, думать о долгосрочных инвестициях, основываясь в том числе, хотя бы в том числе, на долгосрочных контрактах. Вот о чём надо думать. И тогда мы сможем избежать резких кризисов.

На сегодняшний день Россия вносит свой существенный вклад и в продовольственную безопасность. Мы же увеличиваем поставки продовольствия на мировой рынок, у нас уже свыше 25 миллиардов долларов экспорт нашего продовольствия. Я уже говорил об этом много раз и хочу ещё раз поблагодарить наших сельхозпроизводителей, это результат их работы прежде всего, конечно. Мы мечтать об этом не могли. Спасибо европейцам за санкции в области сельского хозяйства. Ну просто молодцы. За санкции вообще. Но мы ответные меры ввели, связанные с сельским хозяйством, вложили соответствующие ресурсы.

Кстати говоря, не только в сельское хозяйство, но и в так называемое импортозамещение в промышленности. И надо сказать, эффект хороший. У меня было чувство тревоги,

не скрою, но эффект в целом очень хороший. Мозги включили, наработки включили старые, новые появились наработки, в том числе и в высокотехнологичных отраслях. И мы в сельском хозяйстве, надеюсь, будем наращивать производство.

У нас в связи с изменением климата происходят и изменения в области сельского хозяйства. Что я имею в виду? У нас, допустим, там, где чернозём, качество почв меняется, и всё немножко уходит севернее. Есть и проблемы, связанные с природными явлениями и катаклизмами, – опустынивание и так далее. Но Россия приспособится к этому и обеспечит не только себя, это совершенно очевидно, но и наших основных партнёров на мировых рынках качественным и приемлемым по мировым ценам продовольствием.

Кроме этого. Вот я сказал о том, что закрываются предприятия по производству удобрений, а от них зависит качество и количество урожая, объёмы урожая. Но мы-то предоставляем на мировые рынки необходимые объёмы удобрений и дальше готовы наращивать. Кстати говоря, и в этом смысле по качеству наших удобрений, оно является одним из лучших в мире. Конкуренты наших компаний предпочитают об этом не говорить с точки зрения влияния на здоровье человека, но надеюсь, что после того, как я это сказал, средства массовой информации наши покажут, о чём идёт речь, просто не хочу тратить времени.

Ну, а что касается водных ресурсов. Конечно, кто-то говорит о том, что вода уже будет скоро дороже стоить, чем нефть, но мы пока не собираемся заниматься проектами поворачивания рек вспять. К этому надо относиться очень

аккуратно и с пониманием долгосрочных последствий принимаемых решений. Но в целом Россия относится к тем странам, водный баланс которых стабильный и обеспечен на длительное время. Хотя мы тоже должны об этом думать: мы должны думать о чистоте в наших реках, на Дальнем Востоке должны смотреть, что там происходит с водным хозяйством, на Байкале и так далее.

Сейчас не буду вдаваться в детали, но проблем у нас действительно хватает. Мы их знаем, выявляем новые проблемы. Безусловно, будем работать в рамках тех планов, которые мы в этом отношении для себя обозначили. Сталкиваясь с новыми вызовами, будем стараться их преодолевать.

Ф.Лукьянов: Вера Агеева.

В.Агеева: Добрый день!

Вера Агеева, Санкт-Петербург, доцент Высшей школы экономики.

Хочу вернуться к вопросу о российской «мягкой силе». Мы уже начали его обсуждать, и я бы хотела продолжить, но немного шире.

За последние годы была проведена большая работа по укреплению российской «мягкой силы» – в культуре, в образовании, в сфере молодёжных обменов. Тем не менее не все цели можно считать достигнутыми. Например, в вопросе российского имиджа, российского образа за рубежом, в вопросе налаживания диалога с зарубежными аудиториями, взаимопонимания с этими аудиториями.

В связи с этим мой вопрос: как сделать так, чтобы российская «мягкая сила» стала по-настоящему эффективной? Спасибо.

В.Путин: Себя уважать – вот это главное. Не нужно из кожи лезть вон, чтобы кому-то доказывать, что мы хорошие, не надо этого делать. Вот это самое главное. Относиться с уважением к себе, к своей истории, к своей культуре, и люди к вам потянутся.

Ф.Лукьянов: Ричард Саква.

Р.Саква (*как переведено*): Благодарю.

Профессор Кентского университета Ричард Саква.

В самом начале выступления Вы упомянули проблемы изменения климата, связанные с пожарами и наводнениями не только в России, но и в разных странах мира. В октябре произойдёт 26-я Конференция сторон РКИК [Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата] в Глазго. Как изменились Ваши взгляды на изменение климата? Мы и раньше говорили об изменении климата на заседаниях клуба «Валдай». Но ситуация ухудшилась со временем. Может ли Россия взять на себя лидирующую роль в рамках обсуждения вопросов изменения климата на конференции сторон?

Этот вопрос поднимался и на «Российской энергетической неделе» на прошлой неделе. Вы заявили о том, что к 2060 году вы хотите обеспечить углеродную нейтральность России. Готова ли Россия взять на себя лидирующую роль в этом вопросе?

Кроме того, многие страны, в том числе США и европейские

страны, говорили о «зелёном» курсе. И каким образом этот вопрос может стать не просто вопросом техническим, но вопросом об изменении качества жизни людей? Как сделать их жизнь более устойчивой, в том числе опираясь на опыт пандемии? То есть каким образом достичь этого баланса между жизнью общества и функционированием государства?

В.Путин: Вы сейчас сказали о возможности взятия на себя лидирующей роли. Вы знаете, конечно, мне кажется, нужно стремиться к тому, чтобы решать сверхзадачи. Но надо исходить из реалий. Об этом было сказано публично: к 2060 году намерены выйти на углеродную нейтральность, мы делаем это.

Кстати говоря (я уже много раз об этом говорил, упоминал, сейчас скажу ещё раз), всё-таки наш энергобаланс более «зелёный», чем во многих других индустриально развитых странах мира. У нас 86 процентов энергобаланса состоит из атомной генерации, которая почти не связана с выбросами, гидрогенерации, газовой генерации и возобновляемых источников. 86 процентов, в США – 77, в ФРГ, по-моему, – 64, в крупных азиатских странах – ещё меньше. Разве это не лидерство? Оно уже таковым является.

Конечно, мы понимаем, что этого недостаточно. Недостаточно и для нас, потому что у нас температура повышается ещё быстрее, чем в среднем в мире, а на Севере – ещё больше даже, чем в среднем по России. И для нас это имеет серьёзные последствия, если иметь в виду, что значительная часть нашей территории лежит на территориях Крайнего Севера. Ну конечно, мы думаем об этом.

Что касается жизни людей.

Начиная от ликвидации всяких свалок, которые, кстати, тоже генерируют CO₂ в крупных городах и отравляют жизнь людей, и мы работаем над этим, и кончая ситуацией в крупных наших промышленных центрах, у нас есть целая программа. Может быть, мы не так быстро идём, как нам бы хотелось, но в целом мы пока выполняем намеченные планы.

Мы бы и раньше сделали, если бы не кризис 2008–2009 годов, который пришёл к нам, как известно, извне. Но просто промышленность наша взывала, что если мы сейчас будем внедрять так называемые наилучшие в этой сфере технологии, то многие предприятия лягут на бок, что называется, совсем. Мы вынуждены были немножко перенести по срокам, но сейчас все решения приняты на законодательном уровне, реализуются.

У нас 12 крупнейших городов-эмитентов в программе стоят в первоочередном порядке, а потом мы перейдём ко всем городам и ко всем эмитентам, по всем отраслям будем работать. У нас это в рамках национальных проектов, в национальных планах стоит на одном из первых мест.

Что касается в целом углеродной нейтральности, мы должны иметь в виду, что всё-таки 45 процентов, если мне память не изменяет, из всех выбросов, которые осуществляются, поглощаются. Кстати говоря, в этой связи мы будем настаивать на том, чтобы учитывали наши возможности по поглощению. И леса, и наши моря, и те территории, которые связаны с океаном. Это же объективно, это нам надо иметь в виду.

Кроме этого, у нас большие резервы в этом смысле, связанные с реализацией планов, допустим, в сфере ЖКХ и энергосбережением. Здесь нам явно совершенно есть над чем поработать, и нужно поработать.

То есть в целом нам ведь нужна не просто механическая реализация каких-то кем-то заданных мер, а нам нужен результат. Мы намерены абсолютно прозрачно и честно над этим результатом работать. Только мне бы очень не хотелось, чтобы борьба за сохранение природы, за сохранение нужных параметров по климату превратилась в какой-то скрытый инструмент конкурентной борьбы на мировых рынках. Это плохо! Это подорвало бы доверие к тому, что мы делаем во имя будущего человечества.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, а у нас есть какая-то своя программа, что делать, когда Евросоюз введёт карбоновый налог и российские производители должны будут платить?

В.Путин: Пока каких-то фундаментальных решений, подрывающих наши интересы, непрозрачных решений и абсолютно несправедливых, не принимается. Я с некоторыми лидерами (не будем сейчас фамилии называть) говорил, они понимают, что те запросные позиции, которые формулируются на уровне европейских институтов, они прозрачными не являются, справедливыми их назвать нельзя. И всё это, безусловно, требует определённой доработки. Надеемся, что это будет происходить в диалоге с другими странами, в том числе и с Россией.

Ф.Лукиянов: У нас в Вашингтоне Анджела Стент, наш

«ветеран» и член научного совета.

Анджела, прошу, задавайте вопрос.

А.Стент (как переведено): Благодарю Вас.

Прошу прощения за то, что подключаюсь к Вам в виртуальном формате, господин Президент.

Хотела бы поговорить о том, как Россия и США работают. И, в частности, вопрос об Афганистане. 20 лет назад Россия и США сотрудничали над тем, чтобы победить «Аль-Каиду», чтобы «Талибан» ушёл из страны, потерял власть.

Вы полагаете, что контртеррористическое сотрудничество между Россией и США возможно и желательно? Может быть, у нас общие цели в этом направлении, как и 20 лет назад?

В.Путин: Я думаю, что контртеррористическое сотрудничество России и США не только возможно и желательно, оно необходимо. Уже много раз мы на этот счёт говорили и Вы тоже. Жаль, что Вы сегодня не можете быть в этом зале среди нас.

Совершенно очевидно, что это общая угроза, она не становится менее опасной, чем 20 лет назад, к сожалению. Более того, мы даже видим определённое расширение этой угрозы, и, конечно, она носит глобальный характер, и эффективно бороться с ней нужно, только объединяя усилия.

Я уже об этом говорил. Наши специальные службы в контакте друг с другом, хотя, на мой взгляд, можно было бы работать и поглубже, но мы благодарны американским партнёрам за ту информацию, которая позволила нам предотвратить

террористические акты на территории Российской Федерации.

Уверяю Вас, что мы сделаем всё, что от нас зависит, и своевременно будем передавать необходимую информацию американским коллегам, если она будет представлять для них интерес и если мы будем ею располагать. Уверен, что в этом, и ещё раз хочу это подчеркнуть, все заинтересованы.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, по поводу Афганистана. Талибы – фактическая власть, приезжают в Москву на конференции и вообще со всеми общаются. Они у нас долго будут террористической организацией, такой, что всем надо писать сносочку?

В.Путин: Дело ведь не в нас, не в России. Как Вы видите, мы сотрудничаем с представителями «Талибана» и приглашаем их в Москву и в контакте находимся с ними в самом Афганистане.

Дело в том, что эти решения приняты на уровне Организации Объединённых Наций. И мы все ожидаем от тех людей, от «Талибана», который контролирует сейчас, безусловно, ситуацию в Афганистане, что ситуация будет развиваться в позитивном ключе. В зависимости от этого мы солидарно и будем принимать решение об исключении их из этого террористического списка, из списка террористических организаций. Мне кажется, что мы к этому подходим. И позиция России будет заключаться в том, чтобы двигаться именно в этом направлении.

Но всё-таки эти решения должны быть приняты таким же образом и способом, которым они принимались раньше, когда мы это движение включали в список террористических

организаций.

Ф.Лукиянов: У нас сегодня что-то Азии мало.

У нас на связи профессор Симотомаи. Пожалуйста.

Н.Симотомаи: Спасибо.

Господин Президент, для меня большая честь, хотя я не успел присутствовать в Сочи на этот раз.

Ваш доклад был очень для меня интересный, включая тот тезис, что госграницы – это анахронизм. Да, сейчас, возможно, наиболее серьезный антагонизм наблюдается в Северо-Восточной Азии из-за госграниц и так далее. Вы с Премьер-министром Абэ пытались восполнить этот пробел в поисках нового мирного договора. Однако за эти два года японские премьер-министры два раза менялись, не встречаясь с Вами. Каким Вы видите будущие двусторонние отношения, прежде всего перспективы мирного договора между Россией и Японией? Спасибо.

В.Путин: Да, действительно, внутривнутриполитически жизнь в Японии выстроена таким образом, что смена на политической сцене происходит достаточно быстро, но интересы японского и российского народов остаются неизменными. А в их основе лежит стремление к урегулированию, окончательному урегулированию отношений, вплоть до заключения мирного договора. Мы будем к этому стремиться несмотря на то, что происходит вот такая смена фигур на политической сцене Японии.

Совсем недавно, как Вы знаете, 7 октября, я разговаривал с новым Премьер-министром Японии по телефону. Он очень

опытный человек, он находится в материале наших отношений, он занимался международными делами, как известно. Это достаточно близкий человек в политическом смысле и бывшему премьер-министру Абэ. Так что в этом смысле, безусловно, я думаю, мы будем наблюдать преемственность в японской позиции по взаимоотношениям с Россией.

У нас ещё при Абэ был выстроен целый ряд наших совместных действий, совместной работы по выведению российско-японских отношений на новый уровень. Мне бы очень хотелось, чтобы эта работа была продолжена в таком же ключе и в будущем.

Ф.Лукьянов: Дорогие друзья, Владимир Владимирович отвечает на наши вопросы, только на вопросы, уже два с половиной часа. У меня есть следующее предложение для оптимизации нашей работы. Мы устроим сейчас блиц. Пожалуйста, короткие вопросы, не заявления, как госпожа Дергам, например, сделала, а короткие вопросы. И Владимир Владимирович будет на них отвечать так вот, «пулемётно». Да?

В.Путин: Я постараюсь.

Ф.Лукьянов: Пожалуйста, Райн Чилкот.

Р.Чилкот: Спасибо, Фёдор.

Только, пожалуйста, не «пулемётным» ответом.

Ф.Лукьянов: Что спросишь.

В.Путин: Это есть у нас тоже. (Смех.)

Р.Чилкот: Понял.

Вопрос про пандемию. Самый большой инагент в России сейчас, самая большая опасность извне – это пандемия, которая продолжается. Единственное отличие России от многих стран, что уровень вакцинации низкий. Как Вы относитесь к обязательной вакцинации как к решению вопроса?

В.Путин: Я уже говорил, у нас обязательной вакцинация становится, если она занесена в Общенациональный календарь прививок. Вакцинация против коронавирусной инфекции в Общенациональный календарь не внесена, поэтому в этом смысле она не является обязательной. Но в соответствии с действующим законом региональные власти имеют право вводить обязательную вакцинацию в связи с ростом эпидемии по рекомендациям главных санитарных врачей по отдельным категориям граждан. Это у нас и происходит.

Но дело ведь не в обязательности. Я на самом деле не поддерживаю обязательность. Почему? Потому что любое навязанное решение можно обойти. Будут справки покупать.

Может быть, есть, наоборот, кто получает какую-то западную вакцину, но я многократно уже слышал такой разворот событий: приезжают граждане европейских стран, делают здесь, у нас, прививку «Спутником», а там справку покупают, что они привиты Pfizer. Серьёзно, причём это врачи говорят из европейских стран. Считают, что всё-таки «Спутник» более надёжный, более безопасный.

Но дело не в этом, я говорю это не для того, чтобы заняться пропагандой «Спутника». Я говорю о том, что любые

навязанные решения обходятся достаточно легко. Известная фраза, что над законами думают сотни или тысячи людей, а над тем, как их обойти, думают миллионы. И они, как правило, выигрывают. Поэтому, мне кажется, не навязывать нужно, а нужно убеждать. Убеждать и доказывать, что вакцинация лучше, чем болезнь, я совсем недавно говорил об этом.

Это касается не только России, это касается и других стран. Есть только два варианта развития событий почти для каждого человека: или переболеть, или вакцинироваться. И между струйками дождя проскользнуть не удастся. Нужно повышать доверие граждан к действиям государства, нужно быть более убедительными, доказывать, показывать на примерах. Надеюсь, у нас это будет получаться.

Ф.Лукиянов: Господин Саджадпур.

С.Саджадпур *(как переведено)*: Спасибо, господин Президент!

Мой вопрос касается Афганистана. Мы видели поражение США, уход из Афганистана. В общем стратегическом плане изменит ли это глобальное положение США? И каким образом это отразится на пересборке мирового порядка, о которой Вы говорили?

В.Путин: Первое, что я хочу сказать. Конечно, Президент Соединённых Штатов поступил правильно, он правильно сделал, что вывел войска из Афганистана. И он наверняка понимал, – может быть, он не знал в деталях, как это будет происходить, но понимал, – что так или иначе внутривнутриполитически это будет одна из линий атаки. Но он

пошёл на это – принял, взял на себя эту ответственность.

То, как это произошло, – конечно, мы видим, и, наверное, можно было бы сделать иначе. И конечно, это так или иначе отражается на доверии к Соединённым Штатам со стороны прежде всего тех стран, которые ориентируются на Штаты как на союзника. Но мне думается, что пройдёт время и всё встанет на свои места. Ни к чему кардинальному это не приведёт.

Да, сегодня на каком-то ближайшем этапе как-то это будет отражаться на взаимоотношениях с союзниками, но привлекательность страны всё-таки не от этого зависит, а зависит от экономической, военной мощи.

Ф.Лукьянов: Александр Рар.

А.Рар: Владимир Владимирович, когда Вы с Шрёдером выступали на первом заседании «Петербургского диалога», говорили, что отношения между Германией и Россией лучшие за 100 лет.

Сейчас, к сожалению, они резко ухудшились. Мой вопрос: можно будет с новым канцлером Германии – по всей видимости, это будет Олаф Шольц – опять реанимировать хотя бы «Петербургский диалог»?

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, Александр, это не только от нас зависит. Если германская сторона проявит интерес к этому, мы активизируем эту работу. Хотя он существует, «Петербургский диалог», он никуда не делся и в принципе продолжается. Конечно, взаимные контакты между представителями

общественности двух стран можно сделать более интенсивными и более результативными, я понимаю. Надо только это всё деполитизировать. Надеюсь, так оно и будет. Коалиция в Германии намечается довольно сложная, и там разнонаправленные политические взгляды у будущих политических сил в этой коалиции, возможной коалиции. Посмотрим, к чему это приведёт на практике, я не знаю. Но мы «за», мы готовы к этому.

Ф.Лукиянов: Анатолий Ливен.

А.Ливен (*как переведено*): Спасибо, господин Президент. Анатолий Ливен, Институт ответственного государственного управления Куинси.

Китай и другие страны переходят к электромобилям. Это важнейшая часть их стратегии перехода к углеродной нейтральности. Каковы планы России в этом отношении?

В.Путин: Я уже много раз на этот счёт говорил. Конечно, когда автомобили передвигаются в городах, это один из самых крупных загрязнителей – автомобили, ЖКХ (жилищно-коммунальное хозяйство), промышленность. Это очевидно. Но нам в глобальном смысле надо не забывать, из чего, откуда электричество-то берётся?

Давайте не будем вводить друг друга в заблуждение. Электромобили – хорошо, а загрязнение атмосферы при производстве электроэнергии – наверное, это не очень хорошо. Но угольная генерация в европейских странах, в том числе, скажем, в ФРГ – сейчас Александр про ФРГ спрашивал – в два раза больше, чем в России, угольная

генерация. В два раза. Там, по-моему, 30 с лишним процентов, 32, у нас – 15–16.

Но в принципе, конечно, это хорошо. В принципе для такой страны, как Россия, где такие глобальные запасы, скажем, природного газа, вполне альтернативой могли бы быть и автомобили на газомоторном топливе. Нужно в целом менять энергетический баланс в сторону «зелёной повестки», и тогда искомый результат будет достигнут.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, а Вы водили, ездили на электромобиле?

В.Путин: Да, в Огарёво.

Ф.Лукьянов: И как? Разница есть?

В.Путин: В Огарёво гоняю на этих машинах, это правда, да. Разница? Нет, я не чувствую почти. Приемистые, хорошие машинки.

Ф.Лукьянов: Константин Затулин.

К.Затулин: Владимир Владимирович, Затулин, депутат Государственной Думы от того самого города, в котором мы сейчас находимся [Сочи]. Но вопрос не об этом.

В.Путин: Но сказать об этом нелишне.

К.Затулин: Да, конечно.

Я про историю и про память. В начале нашей встречи много говорили про «хомо советикус», про постсоветские страны мы сегодня говорили, постсоветское пространство. Хочу обратить внимание: 2 ноября исполнится 300 лет Российской империи.

В этом году мы все отмечали 800 лет князю Александру

Невскому, и Вы лично открывали памятник, это всё произвело впечатление на многих людей. Но почему-то у нас проходит в обстановке молчания всё, что связано с 300-летием империи. Может быть, потому, что мы стесняемся этого слова? Но если это так, то это зря. Потому что это большой этап нашей истории. Непрерывное существование нашего государства от Российской империи к Советскому Союзу, к Российской Федерации, как бы они друг друга ни отрицали в чём-то.

Хотел бы надеяться, мы обратились к Вам по этому поводу, что Вы это письмо получите и рассмотрите возможность какого-то более активного участия в этом. Пусть даже мы пропустим этот срок, 2 ноября, но, во всяком случае, об этом вспомним.

В.Путин: Я с Вами согласен. Непрерывность истории – это важная вещь, чтобы понимать, куда мы идём дальше. Я полностью с Вами согласен. Если мы здесь в чём-то недорабатываем, я приношу свои извинения. Следующие мероприятия будут с Вашим именем связаны. *(Смех.)*

Ф.Лукьянов: Юрий Слёзкин.

Ю.Слёзкин: У меня тоже вопрос об истории. Вы находитесь во главе Российского государства уже много лет и наверняка много думаете о Вашей роли в русской истории. Какие, на Ваш взгляд, Ваши главные достижения и главные неудачи как руководителя Российского государства?

В.Путин: Вы знаете, я не думаю о своей роли в истории. Как только начнёшь об этом задумываться, нужно заканчивать работу, потому что это начинает мешать принимать решения.

Говорю абсолютно искренне. Как только начнёшь думать: «А как бы это не случилось, то не случилось, что скажет княгиня Марья Алексеевна?» – и всё, пиши пропало, шило в стенку лучше и заканчивать активную производственную деятельность.

Что касается того, что удалось сделать. Слушайте, у нас было 40 миллионов человек за чертой бедности. Сегодня непомерно много – 19 с лишним или 20, по разным подсчётам. Непомерно, но всё-таки это не 40. Это, пожалуй, самый главный результат.

У нас экономика восстановилась. Некоторые отрасли промышленности, в том числе оборонной промышленности, почти перестали существовать. Ещё бы немножко время было упущено – и всё, их было бы не восстановить никогда, были бы утрачены производственные цепочки и научные школы. Мы это всё восстановили. Я уже не говорю о том, что почти в каждом субъекте Федерации уставы и конституции республик содержали всё что угодно, в том числе и право печатать деньги, свои собственные госграницы, только не было упоминания о том, что это субъекты Российской Федерации. Это был очень серьёзный вызов на то время. Мы всё это преодолели.

Борьба с международным терроризмом. Вы знаете, я сейчас вам скажу то, о чём я иногда думаю, и скажу сейчас абсолютно искренне. Да, мы преодолели этот тяжёлый этап в жизни страны, особенно это касается борьбы с терроризмом. Далеко не благодаря моим усилиям, а благодаря многотерпению, мужеству и воле российского народа. Говорю это без всякой рисовки, абсолютно искренне, потому что я

видел, через какие трудности и страдания проходили российские семьи. Но Россия справилась с этим, и это говорит о том, что эта пассионарность, о которой мы говорили вначале, она внутри российского народа занимает очень прочное место. Внутренний стимул развития у нас точно совершенно существует и является очень мощным.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, раз Вы своей роли в истории не хотите, позвольте зайти с другой стороны.

Сейчас очень модно стало образ будущего искать, все ищут образ будущего. Валдайский клуб тоже ищет, многие другие. Тут Андрей Олегович Безруков сидит в первом ряду, он тоже очень много делает на этот счёт.

Я лично боюсь, что мы сейчас образ будущего не найдём, потому что мир невероятно непонятный. Но, наверное, я не прав.

У Вас есть образ будущего России, мира, который Вы бы хотели увидеть или который Вы бы хотели, чтобы увидели Ваши потомки?

В.Путин: Вы знаете, можно много на этот счёт говорить, и я так или иначе в разных форматах отвечал на этот вопрос уже неоднократно, не хочется возвращаться к тем формулировкам, которые я давал раньше.

Я бы оттолкнулся от главного тезиса сегодняшнего «Валдая». Как он звучит?

Ф.Лукиянов: Возвращение будущего.

В.Путин: Нет, нет. Сам лозунг сегодняшнего «Валдая»?

Ф.Лукиянов: «Глобальная встряска».

В.Путин: Не только.

Ф.Лукьянов: «Ценности, человек». Но он не идёт, «человек» не запоминается у нас.

В.Путин: А надо бы запомнить, потому что это главное.

Я вспоминал Бердяева. Как известно, у него несколько известных работ, они популярны до сих пор. Он говорил о современном на тот период времени средневековье, говорил о свободе, о том, что это такое тяжёлое бремя. Но он говорил ещё вот о чём – о том, что в центре развития всегда должен быть человек. Человек важнее, чем общество и государство. Мне бы очень хотелось, чтобы в будущем все ресурсы общества, государства концентрировались вокруг интересов человека. К этому точно нужно стремиться. Насколько мы будем эффективны в создании такой системы, сейчас трудно сказать, но это то, к чему надо стремиться.

Вот молодой человек руку [в зале] поднимает. Пожалуйста.

Д.Суслов: Большое спасибо, Владимир Владимирович.

Дмитрий Суслов, Высшая школа экономики.

Вы сегодня отметили в своём выступлении, что противоречия в мире, как международные, так и внутригосударственные, достигли такого уровня, при котором в предыдущей эпохе вообще возникали мировые войны. Пока мы мировой войны не наблюдаем, по крайней мере горячей.

В.Путин: Скучаете по этому?

Д.Суслов: Я как раз и хотел спросить, означает ли это – наверное, мы её не наблюдаем, потому что есть ядерное оружие в мире, – но означает ли это, что её и в принципе

произойти не может? И ведь, если её произойти не может, то тогда получается, как по Достоевскому: если нет Бога, то всё возможно. То есть, если нет угрозы мировой войны, то это полная безответственность: можно сделать всё что угодно, потому что мировой войны не будет, какие [тогда] преграды для агрессивной политики – и так далее.

Если же угроза мировой войны, или опасность мировой войны всё же есть, не стоит ли России как ядерной сверхдержаве, как стране, которая пережила тяжелейшие войны – Вы об этом тоже сегодня говорили, – которая осознаёт ценность мира, и, наверное, мир является тоже одной из общечеловеческих ценностей, не стоит ли России более активно заявить о том, что защита мира, его укрепление – это цель российской внешней политики, и какие-то практические дела здесь тоже сделать?

Большое спасибо.

В.Путин: Мы очень много говорим позитивного, важного, но многие вещи наши партнёры предпочитают просто не замечать.

Поэтому просто так говорить бессмысленно, надо добиваться того, о чём мы говорим. Это непростая работа, непростая задача, мы будем над этим работать, безусловно.

Вы сказали по поводу ядерного оружия. Это огромная ответственность ядерных держав. И Вы также сказали о том, что в этих условиях о третьей мировой войне говорить бессмысленно: но существует всё-таки угроза полного взаимного уничтожения, не будем об этом забывать.

Пожалуйста, давайте по центральному сектору.

Т.Кастуева-Жан: Спасибо большое.

Татьяна Кастуева-Жан, Французский институт международных отношений.

И неожиданно вопрос, который очень интересует Францию. Все последние дни газеты выходят с вопросом о присутствии российских наёмных компаний в Мали. У меня такой вопрос, если сформулировать кратко: не противоречат ли интересы частной военной компании, которая не имеет законодательного оформления в России, государственным интересам России? Спасибо.

В.Путин: Мы неоднократно обсуждали это с нашими французскими коллегами, в том числе и я об этом говорил – или со мной об этом говорил Президент Макрон.

Здесь могу сказать, что – Вы сказали, это какие-то частные компании, – это не государство, они не отражают интересов Российского государства. И если они где-то находятся – не по поручению Российского государства, это частный бизнес, частные интересы, связанные в том числе с добычей энергоресурсов, других ресурсов, золота, я не знаю, драгоценных камней, – но если это начинает вступать в противоречие с интересами Российского государства, а так бывает, к сожалению, то мы, конечно, должны на это реагировать. И мы будем это делать.

М.Санаи: Уважаемый Президент!

Во-первых, спасибо, что оказываете такую возможность в форме общения.

У меня вопрос по Южному Кавказу. Было прекращение огня

и договорённости, но вопрос ещё не до конца решён, и Вы знаете, что есть сомнения у некоторых стран, братских республик, стран, которые в регионе есть.

Придуман формат, который получил поддержку и России тоже, – «три плюс три». Но он пока не действует. У Ирана, Азербайджана и России был формат по коридору «Север – Юг». У Ирана, России и Турции был трёхсторонний формат, борьба с терроризмом. Кстати, к сожалению, появились явления терроризма и на Южном Кавказе.

Здесь роль России, конечно, очень важна. И другие форматы с участием Армении и других стран, возможно.

Не считаете, что нужны более ускоренные инициативы, чтобы создать какой-то формат? Как Вы думаете, какой формат будет наиболее эффективным, чтобы учитывать интересы республик Южного Кавказа и стран региона?

Спасибо.

В.Путин: Во-первых, должен отдать должное политической мудрости и Президента Азербайджана, и Премьер-министра Армении. Всё-таки, несмотря на весь трагизм происходящих событий, им удалось подняться над сиюминутной политической конъюнктурой и принять очень ответственные решения.

Я знаю, что, как ни странно, и в одной, и в другой стране есть даже претензии, они высказываются в отношении руководителей [стран]. Всегда есть политические силы, которые чем-то недовольны или считают, что можно было сделать лучше. Но всегда возникает ответ: «Попробуйте сделать лучше». Всё-таки Президенту Алиеву и Премьер-

министру Пашиняну удалось остановить кровопролитие.

Но дело даже не только в этом – хотя ничего важнее, кроме чем сохранить человеческие жизни, и быть не может. Тем не менее есть ещё важные аспекты, а именно: нужно создать условия долгосрочного урегулирования в регионе в целом. Эти условия могут быть созданы только в том случае, если обе стороны примут достигнутые договорённости как долгосрочные и с обеих сторон оценят преимущества, хочу это подчеркнуть, мирного сосуществования, а в этом все заинтересованы. Азербайджан заинтересован в том, чтобы нормально осуществлялась связь с Нахичеванью, тоже заинтересован в том, чтобы разморозить коммуникации. Одна из первых задач, которая стоит перед Арменией, – наладить эффективную экономическую жизнь, эффективное взаимодействие в регионе, в том числе даже с Азербайджаном на будущее. В принципе Армения в этом заинтересована. Разморозить свои отношения с Турцией, придать им современный характер.

И это и в одном, и в другом случае должно привести к достижению главной цели – к созданию безопасного сосуществования двух государств и созданию условий для экономического развития. Возможно это сделать или нет? Возможно. И мы сделали всё, что от нас зависит, для того чтобы кровопролитие было прекращено, но не только. Наши миротворцы достойно исполняют свой долг, уже свыше 50 тысяч беженцев вернулось к своим родным местам.

В целом удаётся сохранить ситуацию в зоне конфликта в том виде, в котором он есть, нет никаких крупных боевых действий. Да, к сожалению, случаются инциденты. Да,

к сожалению, даже люди иногда гибнут. Но, наверное, трудно себе представить совсем идеалистическую картину после стольких лет противостояния. Самое главное сейчас – это окончательно урегулировать ситуацию на границе, и здесь, конечно, без участия России невозможно ничего сделать. Но здесь даже нам, пожалуй, никто больше и не нужен, кроме двух сторон и России. Почему? Есть очень простые, прагматичные вещи – потому что карты в Генштабе Российской армии находятся, карты, которые показывают, как проходила граница между союзными республиками в советский период.

Основываясь на этих документах, нужно спокойненько сесть с обеих сторон. Там есть вещи, которые требуют тоже взаимных компромиссов: где-то что-то выровнять, где-то что-то обменять – так, чтобы только это было признано, было понятно, что это выгодно обеим сторонам. Можно это сделать или нет? Можно. Но, конечно, мы и за то, чтобы найти и многосторонний формат, в том числе, скажем, активизировать работу Минской группы. Мы над этим работаем, в том числе с нашими партнёрами.

Главное – добиваться главной цели: создания ситуации безопасности и будущего строительства отношений в позитивном ключе. Пока то, что мы ставили перед собой в качестве целей, в целом нам удаётся добиться. Конечно, нужно смотреть в будущее, смотреть, что будет дальше. А ведь дело не в том, что соответствующей статьёй нашего заявления предусмотрено возможное продление пребывания российского контингента. Разве дело в этом? Дело в том, чтобы выстроить отношения между двумя странами. Вот что

самое главное. Надеюсь, что нам удастся это сделать.

Ф.Лукиянов: Игорь Истомин. Он давно тянет руку.

В.Путин: Надо завершать, а то уже десятый час [вечера].

Ф.Лукиянов: Да, завершаем.

И.Истомин: Владимир Владимирович, здравствуйте.

Игорь Истомин, МГИМО.

В своём выступлении – я надеюсь, правильно цитирую, – Вы говорили о том, что реформирование или упразднение части международных организаций может стоять на повестке дня. В этой связи я хотел спросить Ваше мнение о перспективах таких организаций, как Совет Европы и ОБСЕ, и перспективах российского участия в этих организациях.

Спасибо.

В.Путин: В целом, если эти организации будут работать над реализацией тех целей в широком смысле этого слова, ради которых они создавались, то перспективы их существования есть. Совет Европы – это вообще прежде всего европейская история. ОБСЕ – в значительной степени тоже. Но если они будут заниматься исключительно постсоветским пространством, пытаясь поучать вновь образованные независимые государства, которые были созданы на пространствах бывшего Советского Союза, то перспектив у них для существования очень мало. И я вас уверяю, что если Россия бы вышла из одной из этих организаций, то мы бы посмотрели, что дальше будет происходить с этими организациями с точки зрения участия и других стран.

Нравоучения никому не нужны, поэтому надо смотреть шире

на вопросы гуманитарного характера, гуманитарного сотрудничества, если мы имеем в виду Совет Европы, или на вопросы безопасности на европейском континенте в широком смысле этого слова.

Но давайте будем завершать. Пожалуйста, коллега руку поднимает по центру.

М.Джавед (как переведено): Спасибо большое. Я представляю Пакистан, Исламабад. При всём уважении, конечно, я понимаю, что контртеррористическая кампания очень важна, на международном уровне она продолжится.

Мой вопрос Вам, господин Президент, касается продолжающихся переговоров. Пакистан, Иран, Россия, КНР. Конечно, Пакистан способствовал переговорам в Дохе в целом, но пока что мы видим серьёзные проблемы. Если «Талибану» удастся предотвратить торговлю наркотиками, если удастся защитить территорию от ИГИЛ и устранить эту структуру, какова будет реакция со стороны Пакистана, России и Китая?

Я, конечно, спрашиваю не только про признание «Талибана». Вы совершенно верно отметили, очень важно дать возможность экономически развиваться «Талибану» – для того чтобы страна развивалась, необходимо также решить проблемы социального характера. Это, например, образование, здравоохранение – всё, что касается социальной сферы и других факторов.

Мне было бы очень приятно, если бы Вы пролили свет на этот вопрос. Как важно решить проблему – «кашу», заваренную НАТО, что там осталось. Мне кажется, что России и Китаю

следует возглавить этот процесс на этом направлении.

Спасибо.

В.Путин: По поводу «каши», которую заварили НАТО, сейчас, наверное, не будем говорить, потому что только ленивый здесь не пнул ногой то, что было сделано Соединёнными Штатами и Президентом Байденом. Я уже высказался на этот счёт. Я думаю, что он поступил правильно, приняв решение о выводе войск. Но теперь, конечно, нам всем нужно смотреть в будущее. Но поскольку они всё-таки, как Вы сказали, эту «кашу» заварили, то уже не должны снимать с себя ответственность за происходящие события и за будущее. И инструментов повлиять на ситуацию в Афганистане у них очень много, прежде всего финансовых инструментов, в том числе и у Европы. И не нужно здесь задирать нос, как часто делают наши коллеги в Евросоюзе, со снобизмом посматривать на эту территорию. Они тоже несут ответственность за то, что там произошло. Так что надо включаться всем и помогать афганскому народу.

Но всё-таки мы должны исходить из того, что нельзя повторять ошибок прошлого. Нельзя навязывать афганскому народу то, что пытался навязать Советский Союз, Соединённые Штаты. Кстати говоря, по-моему, всё-таки Советский Союз даже более взвешенно себя вёл, и поэтому всё-таки это «шурави», как называли советских [граждан], – всё-таки это не носит отрицательного оттенка. А страны региона тем более заинтересованы, и Россия со своей стороны будет делать всё для того, чтобы ситуация была нормализована.

Мы видим сейчас, что «Талибан» пытается бороться с крайними радикалами и с абсолютно ни у кого

не вызывающими сомнения в своих террористических устремлениях организациями, такими как ИГИЛ. Да, это были их попутчики, мы это понимаем, мы же из реалий исходим, это были сиюминутные попутчики. Сейчас они сами на «Талибан» нападают.

Но дело в том, что и внутри Афганистана тот же самый «Талибан» должен всё-таки выстроить взаимоотношения со всеми этническими и религиозными группами, со всеми политическими, общественными организациями.

Начнём с этнической составляющей. Да, «Талибан» в основном состоит из пуштунских групп. Но ведь есть и таджики, а их от 40 до 47 процентов, по разным подсчётам. Это много, правда? Есть узбеки, хазарейцы и так далее. Если посмотреть на эту составляющую, то, да, я знаю, конечно, сейчас даже в руководящем составе, в правительстве есть представители этих групп, но не на первых ролях. А люди претендуют на то, чтобы занять значимое место в системе управления страной. И этот баланс должен быть найден.

Мы ни к чему не подталкиваем, мы просто говорим, как это в принципе видится со стороны. Мы делаем всё, для того чтобы тоже [учитывались] аппетиты тех людей, с которыми мы в контакте, – причём мы в контакте, кстати говоря, со всеми политическими силами в Афганистане, и у нас складываются достаточно устойчивые отношения со всеми. Но мы хотели бы, чтобы были найдены приемлемые компромиссы и чтобы стоящие перед страной вопросы не решались только с помощью оружия, что было в последнее время. Чтобы интересы женщин учитывались.

Афганистан всё-таки стремится к тому, чтобы быть современным государством. И мне представляется, что роль и значение Пакистана здесь ничуть не меньше, чем роль и значение России или Китая. Поэтому мы заинтересованы в развитии сотрудничества, в том числе и с Вашей страной, для того чтобы добиться общего искомого результата.

И, без всякого сомнения, интересы России заключаются в том, чтобы Афганистан в конце концов вышел из непрекращающейся перманентной гражданской войны и чтобы народ этой многострадальной – без всякого преувеличения – страны почувствовал себя в рамках своих национальных границ в безопасности и имел бы шансы на развитие и процветание. Всячески будем стремиться к тому, чтобы добиться именно такой цели.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, спасибо Вам за разговор. Я Вас освобожу от обязанностей модератора, потому что пора уже.

В.Путин: Я не претендую на Вашу заработную плату.

Ф.Лукиянов: Ну, на всякий случай, превентивно.

Разговор получился, на мой взгляд, фантастически интересным, потому что мы практически охватили всё что только можно. Спасибо Вам огромное.

Я подумал в процессе этого разговора, что мы, пожалуй, пока в Нью-Йорк не поедем. В следующем году Валдайский клуб, наверное, приедет в Сочи снова. Очень надеемся, что опять всё будет нормально, мы Вас увидим вот так, живьём, и поговорим – только уже часов пять. Спасибо Вам.

В.Путин: Спасибо Вам большое.

Не обязательно проводить заключительную сессию там, в Нью-Йорке. Но я сейчас говорю совершенно без иронии. Скажем, и в Нью-Йорке интересно побывать, и там какую-то площадку... В Афганистане полезно побывать – это имеет смысл. В других точках – в той же Европе поговорить по тем проблемам, которые Европу больше всего сегодня беспокоят: по энергетике той же, климатическим проблемам. Почему нет? Я знаю, что так или иначе площадки собираются.

Ф.Лукьянов: Мы проводим во многих местах.

В.Путин: Да. И в Нью-Йорке можно.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

В.Путин: Вы смеётесь, да? Вам кажется, что это невозможно?
(Смех.)

Я хочу поблагодарить вас, уважаемые коллеги.

Действительно, много лет вы приезжаете в Россию и продолжаете проявлять интерес к нашей стране. Это даёт возможность и нам с моими коллегами, – потому что не только ваш покорный слуга выступает в таком формате, но и наши министры, я знаю, выступают, Министр иностранных дел, мэры, мэр столицы недавно выступал, – всё это даёт нам возможность рассказать о том, как мы себе представляем Россию в современном мире, куда мы движемся. На мой взгляд, это имеет позитивный практический результат.

У нас коллеги ездят иногда, сейчас вице-премьер вернулся из Штатов и говорит: «Я удивлён просто, что в разговоре с первыми лицами [американской] администрации либо

на уровне советника по вопросам безопасности чувствуется, что есть дефицит информации». Как это ни странно. Может, они ЦРУ не доверяют, не знаю. Но реально такие площадки востребованы для того, чтобы была возможность откровенно поговорить друг с другом, почувствовать друг друга и дать возможность людям, принимающим решение на разных этажах власти, иметь в виду то, что звучит в том числе и на Валдайском клубе.

Большое вам спасибо.